

# Подвиг народа

Каждый советский человек, открыв сегодня вечернюю очередную лентку календаря, с волнением отметит: завтра — 22 июня. Одинадцать лет назад, 22 июня 1941 года, началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков, вероломно напавших на нашу страну.

С чувством законной гордости вновь будем размышлять мы о величии подвига нашего народа в защите Родины. Товарищ Сталин говорит, что беспрерывные трудности войны «не сломили, а еще более закаляли железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву слагал себе славу героического народа».

Вспомним мы в этот день своих боевых друзей. Перед нашим мысленным взором пройдут незабываемые картины ожесточенных сражений с коварными и сильными врагом.

Германский фашизм был выращен международной империалистической реакцией и являлся ее главной ударной силой. Реакционные правящие круги США и Англии сделали все, чтобы направить гитлеровскую агрессию на Восток, против СССР. Они рассчитывали, что Советский Союз потерпит в этой войне поражение или, на худой конец, будет значительно ослаблен, окажется отброшенным на десятки лет назад и превратится во второстепенную державу.

Но господа с Уолл-стрит и Сити, равно как и покровительствуемые ими заправчики фашистской Германии, жестоко просчитались. Гитлеровские захватчики с первых же дней войны встретили на нашей земле героическое сопротивление. Все народы Советского Союза, как один, поднялись на священный освободительный бой. Вдохновляемые большевистской партией, руководимые гением Сталина, они наголову разгромили фашистских агрессоров.

Это была великая победа советского общественного и государственного строя, великая победа советских вооруженных сил, это был триумф мудрой политики партии Ленина — Сталина. Уверенная в нашей стране социалистическая идеология, идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев.

Советский народ преподолел предвиденный урок на будущее всем, кто одержим бредовыми стремлениями к мировому господству, кто вынашивает авантюристические планы нового нападения на СССР. Советское государство и его армия вышли из войны не только не ослабшими, а, наоборот, сильнее, еще более окрепшими.

В году тяжелых испытаний, неисчислимым жертв и страданий наш народ показал глубокую верность и преданность своей советской Родине, своему правительству, готовности, не щадя крови и самой жизни, отстаивать новые, социалистические порядки, установленные во имя мира и счастья. История не знает примеров такой силы патристического чувства, такой нравственной красоты и мужества, такой были проведены советскими людьми в Великой Отечественной войне.

Горячий и животворный советский патристизм, сплачивающий все нации и народности СССР в единую братскую семью, явился неиссякаемым источником массового героизма нашего народа на фронте и в тылу. Любовь к Родине веда на бесмертные подвиги Николая Гастелло и Виктора Талалихина. Во имя Родины стояли насмерть 28 гвардейцев-панфиловцев. За Родину отдали свою юную жизнь отважные партизаны Зоя Космодемьянская. Во имя светлого будущего нашего народа закрыл своим телом амбразуру вражеского зенитного орудия герой Александр Матросов... Храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины — вот что характеризует моральный облик этих, как и тысяч других героев Великой Отечественной войны. Мудрый воспитатель — большевистская партия сделала эти великодушные качества достоянием миллионов и миллионов воинов нашей армии и флота, партизан и партизанок.

В дни войны советские труженники, от мала до велика, внесли свой вклад в дело разгрома врага. Рабочие и работники — непрерывным увеличением выпуска вооружения и боеприпасов; колхозники и колхозницы — неутомимой заботой о снабжении армии и городского населения продовольствием, а промышленностью — сырьем; ученые — творческим применением достижений науки для совершенствования технической мощи наших войск; писатели и художники — силой своего художественного слова, своего искусства.

С первых же дней войны со страниц наших центральных и фронтовых газет

громко звучал голос советских писателей. Их страстные публицистические статьи, художественные очерки и рассказы о защитниках Родины, стихи, листовки, сатирические фельетоны, разоблачающие

лицо гитлеровцев, пользовались в армии огромной любовью. В многочисленных письмах и при встречах с писателями на фронте советские воины делились своими впечатлениями о противнике, критиковали то или иное произведение, подсказывали писателю новые темы. Эти беседы и письма фронтовиков свидетельствуют о том, как высоко ценят наши воины художественное слово, литературу, труд писателя.

«Дорогой Алексей Николаевич! — писал в 1942 году воины-фронтовики А. Толстому. — Недавно в «Правде» мы прочли Вашу статью: «За Советскую Родину». Из рук в руки переходила большевистская «Правда»... К полночи газета обошла все землянки батальона, и можно было наблюдать, как долго еще не засыпали бойцы и командиры, держа свои впечатлениями, воспоминания Вашими вдохновенными словами, еще сильнее горя ненавистью к злодеям-фашистам».

В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто Вы находитесь с нами совсем рядом, плечом к плечу каждого в строю. У Вас иное оружие. Но оно так же остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников; его огонь такой же убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе горим обаянием Вашего фашистского

Советскими писателями создано немало произведений, посвященных Великой Отечественной войне. Лучшие из них получили широкое признание читателей, выдержали проверку временем и вошли в золотой фонд многонациональной советской литературы.

Самое ценное в этих книгах — правдивые образы простых советских людей — воинов нашей армии и флота, партизан и партизанок, скромных труженников тыла, коммунистов и беспартийных. Мы видим богатый духовный мир этих простых людей, их глубокую убежденность в правоте нашего дела, их безграничную любовь к своей советской Родине — любовь не отвлеченную, не созерцательную, а действительную, активную, страстную, любовь, не знающую помыслов к врагам, любовь, которая не останавливается ни перед какими жертвами во имя Родины. Такой народ непобедим!

В произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, отображены непревзойденные моральные и боевые качества Советской Армии, армии нового типа, живущей едиными интересами со своим народом, твердо знающей, за что она воюет.

Воспитанная в духе интернационализма, в духе уважения к правам народов других стран, наша армия в годы войны с честью выполняла свою великую освободительную миссию.

Какая же непродоходная пропасть лежит между Советской Армией, по праву заслужившей горячую любовь и признательность миллионов людей за рубежами нашей страны, и современными армиями империалистических государств! Американская армия своими кровавыми расправами над мирным населением многострадальной Кореи, чудовищными пытками военнопленных на острове Чокдо и в других лагерях смерти далеко превзошла гитлеровские головорезов. От американских палачей в военных мундрах стареют не отстает английские колониальные войска, ведущие преступную войну в Малайе. Американские поджигатели войны усиленно сколачивают сейчас так называемую «европейскую армию». Если учесть, что основу ее составят возрожденные ими в Западной Германии вермахты под командованием гитлеровских генералов, то моральный облик этой космополитической армии станет совершенно ясен.

Американо-английский блок все более открыто ведет подготовку к войне против Советского Союза, Китайской Народной Республики и стран народной демократии. Это свидетельствует лишь о том, что современные претенденты на мировое господство не отличаются способностью трезво оценить соотношение сил на международной арене, что они ничему не научились на печальном опыте своих предшественников.

Могучий лагерь мира, демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом, бдительно следит за процессами агрессии, разоблачает и выводит на свежую голову их преступные планы. Выходящих людей злого шара в их благородной борьбе против поджигателей новой войны воодушевлял слова великого знаменосца мира товарища Сталина: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца».

После получения диплома...

КИЕВ. (Наш корр.). На выпускном экзамене по физике один из учеников несколько помедлил, прежде чем ответить на вопрос о движении проводника в магнитном поле. — Помните устройство электромотора станка, на котором вы работаете, — посоветовал учитель.

И сразу же был найден точный ответ. Произошел этот случай в 25-й вечерней школе рабочей молодежи Киева. Подвывая большинство ее выпускников — молодые рабочие и работницы, уже несколько дней рабочие и работницы, по вечерам, после работы приходят они в школу, садятся за парты, раскрывают учебники, тетради, писанки, раскладывают работы...

И вот, наконец, выпускной экзамен. У доски Петр Никитин. Уверенно и обстоятельно отвечает он на вопросы, вычерчивает схемы, решает задачи. Петр Никитин — один из 56 выпускников школы. Война прервала его учебу в десятилетке. Демобилизовавшись, он поступил на Киевский завод «Большевик» и стал работать техником в молодой технике, что для настоящего творческой работы ему не хватало знаний.

Тогда он поступил в вечернюю школу. 20 июня были последние экзамены в вечерних школах страны, затем Петр Никитин вместе с товарищами получил аттестат зрелости. Будут ли они продолжать учебу? Этот вопрос мы задали выпускникам 25-й школы. Вот их ответы.

Никитин поступает на заочный электромеханический факультет Киевского политехнического института. Тула же поступают рабочие-стахановцы завода «Ленинская кузница» В. Лабезный и В. Магний. Начальник охраны этого завода К. Алякин собирается на юридический факультет Киевского государственного университета. Конкурсные экзамены в медицинский институт будут держать лаборант А. Комолов и медсестра Н. Фелотова.

Это не исключительные случаи, а общее явление. 104 выпускника 9-й, 15-й, 20-й и 35-й вечерних школ были заданы вопросы: — Намерены ли вы учиться после окончания средней школы? Ответили все 104 человека; 66 из них — молодые рабочие и работницы, 28 — служащие, 7 — военнослужащие, 3 — инвалиды войны, 82 человека сказали: — Да, будем продолжать учиться. 57 окончивших школы хотят учиться на стационарных факультетах, 25 — на заочных и вечерних отделениях вузов. В технических институтах и на факультетах точных наук поступают 49 выпускников, в гуманитарные вузы — 30, в медицинский институт — 3.

А как остальные? И они, как выяснилось в ходе опроса, не думают оставлять дальнейшую учебу. Трое хотят поступить на старшие курсы техникумов, 19 будут продолжать учебу в различных учебных заведениях и на курсах, требующих среднего образования.

Вот она, наша советская жизнь! Какой простор, сколько широких дорог открыто перед нашей молодежью!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 75 (2948)

Суббота, 21 июня 1952 г.

Цена 40 коп.

## „Языковая агрессия“ американских империалистов

### 1. Заговор „лингвистов“ оккупантов

Американский империализм ведет широкое наступление на независимость Франции. При этом он стремится извратить и разрушить все без исключения формы французской национальной культуры. Общеизвестны факты наводнения Франции таковой американской литературой, засилья голливудских фильмов, подрывающих жизненные основы существования французского кино, и т. д. С немалой настойчивостью ведется атака и против национального французского языка. Он является сейчас предметом полнейшего заговора, признаки которого проявляются все более и более ясно.

С одной стороны, французскому языку угрожают так называемые «упрощенные языки», положение о которых было принято на одной из конференций ЮНЕСКО еще в 1947 году. «Упрощенные» языки должны, по замыслу организаторов этой затеи, производиться по образцу «бейсик-англиши». Такие, сведенные к нескольким тысячам слов, великие языки цивилизации предназначаются для «малоразвитых стран». Английскому языку при этом отводится самая большая «зона внедрения», французскому же великодушно пожалована часть Африки. Правительство, которое называет себя французским, официально воздвигло за выполнение этого предприятия.

На примере «бейсик-англиши» можно ясно видеть, какова цель этой странной затеи. Так, газета «Монд» от 1 ноября 1951 года сообщила, что «полковнику британской армии Мерверу удалось за шесть месяцев объяснить множество индусов смысл 500 обиходных и 350 специальных военных слов английского языка». Большого количества слов и не было нужно для того, чтобы заставить исполнять армейские приказы. И так, речь идет о том, чтобы сделать из упрощенного языка французского языка, в котором главным роль будет играть военный словарь, оружие войны, подготовляемой американскими империалистами. Франция предложено создать в ее африканских владениях воинские части для атлантической армии, и французский язык-оборудован должен помочь при комплектовании и обучении пушечного мяса, поставляемого народами Африки.

Не менее опасной для французского языка является возня, связанная с провозглашением его «вторым международным языком». Вторым, разумеется, после английского. В течение нескольких месяцев вокруг этого проекта ведется целая агитационная кампания, проводимая при содействии «социалистических» лидеров — Иверы Блока, Жерара Жакс, Жоржа Альтмана. Этот господ поддерживает Ф. Франк — аташе Соединенных Штатов Америки по вопросам культуры, действия их санкционированы в резолюции, предложенной Национальному собранию депутатами-«социалистами». Текст этой резолюции ясно показывает, о чем идет речь. Там говорится, что, учитывая трудности в осуществлении грандиозного плана создания международного языка, нужно рассмотреть «первый западный этап, осуществленный немедленно и заключившийся в том, чтобы сделать из английского и французского языков международные языки «атлантического сотрудничества» в целях «сплочения его единства» и усиления «сотрудничества». За этой дымой завесой отчетливо вырисовывается подлинная цель. Предстоит сделать обязательным преподавание английского языка во Франции и во Французском союзе, и это «от начальной школы» — на всех ступенях обучения. Если выразитесь при этом надежда на взаимность со стороны стран английского языка, то делают вид лишь для того, чтобы попытаться усилить бдительность французского народа, гнева которого не без основания страшатся.

Не скрывая своих замыслов, французские лакеи США ищут в своей резолюции: «Обязательное обучение английскому языку уже в начальной школе позволит рабочим Европейского континента войти в сношение с рабочими Америки, и это, быть может, является наиболее естественным средством ознакомления европейских рабочих с ними и перспективами, вежливые перспективы русского коммунизма». И так, речь идет о разрывании в школе реальной пропаганды «американского образа жизни», с тем, чтобы поглотить в французских тружениках национальное сознание. Именно таково начало политики ассимиляции, проводимой в колонизированных странах. Наступление на национальный язык является важной стороной в деле колонизации Франции.

Лидеры «социалистической» партии, разудалая «лигу» превращения английского и французского языков в «мировые языки», пускаются здесь на новую фальсификацию, которая уже разоблачена в трудах П. В. Сталина. Он писал: «Только на втором этапе периода немирной диктатуры протариата, по мере того как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство... вместо мирового капиталистического хозяйства... только на этом этапе начнет складываться нечто вроде общего языка, ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий международный язык... для удобства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества».

Попыткам лишить наш язык национального характера помогает также подрывная

В планах американских империалистов, стремившихся превратить в свои стороны и опубликованные в голландской Европе, не последнее место отведено разрушению национальных языков, насильственному внедрению английского языка. Называя английский язык другим народам, лингвисты-оккупанты с помощью ученых — прислужников американского империализма пытаются обосновать превосходство английского языка над всеми прочими национальными языками. Учение о языке не ставится, таким образом, на службу бредовым планам мирового господства США. Прогрессивная общественность европейских стран разоблачает эти гнусные планы американских оккупантов, борется за чистоту и развитие национальных языков. Мы публикуем сегодня две статьи, разоблачающие «языковую агрессию» заокеанских колонизаторов во Франции и Голландии. Статьи «Заговор лингвистов-оккупантов» принадлежат перу французского журналиста Жильбера Лазара. Статья «Колонизаторы и семантика» представляет собой отрывок из опубликованной в голландском прогрессивном журнале «Политика и культура» статьи «Голландский язык и борьба за независимость». В обстановке полицейского произвола, царящего в маршаллизованной Голландии, автор статьи предпочел подписать ее лишь своими инициалами.

и разлагающая работа, проводимая журналистами и писателями — сообщниками империалистов. Лакействующая пресса печатает своих читателей пошлостями на «арго», переводит американские романы написанные на блатном жаргоне. Вытащить из оборота некий искусственный язык, оторванный от бесконечного богатства народного разговорного языка. Обезнеченный, беднечный космополитический язык — таким империалисты хотели бы видеть язык Вольтера, Виктора Гюго, Бальзака и Арагона!

Но, как показал в своих трудах И. В. Сталин и как это хорошо чувствует народ, язык является одним из основных признаков нации. Постыгнуть на язык — это значит восстановить против себя всю нацию. Американские ассимиляторы смогут убедиться в этом на собственном опыте.

Жильбер ЛАЗАР

### 2. Колонизаторы и семантика

По мере того, как растет угроза нашей национальной независимости со стороны американо-английских империалистов, все более откровенно проявляется их пренебрежение к нашему национальному культурному наследию и к нашему голландскому языку.

Если Черчилль в 1946 году в своей футбольной речи требовал признания мирового господства наций, говорящих на английском языке, то филолог-романист Марко А. Ней, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, пошел еще дальше и поставил в реакционном американском журнале «Туморроу» вопрос ребром: «Станет ли язык Америки мировым языком?» И со свойственным янки, теперь так хорошо знакомым нам, наглым цинизмом он отвечает, что такое господствующее положение языка США будет обеспечено, если оккупация американцами других стран будет продолжаться столь же долго, сколько длилось римское владычество в Галлии и на Иберийском полуострове или испанское владычество в Южной Америке. Такое враждебное отношение к национальным языкам вполне понятно. Ибо тот, кто осмелится посягнуть на независимость нации, будет стараться похоронить и позиции национального языка как важнейшего признака нации. Турки веками пытались поглотить в крови и уничтожить балканские народы, стремясь одновременно исклечить и ассимилировать их языки.

Все мы помним также, что в 1940—1945 гг. голландский язык был тем связующим звеном, которое сплачивало в одно целое подавляющее большинство нашего народа в борьбе против гитлеровцев.

Тот факт, что язык играет столь важную роль в жизни народов и является оружием в их борьбе против насильственного порабощения, не должен вызывать удивления. Значение языка в развитии общества неограничено. «Языковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общество, развивать свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время» (И. В. Сталин. «Марксизм и вопросы языкознания»).

Духовный облик народа, его национальный характер отражаются в языке, являющемся, по словам И. В. Сталина, «формой национальной культуры».

Так как связь между нациями и национальными языками очень тесна, то американские претенденты на мировое господство всевозможными способами пытаются исклечить национальные языки. Они придают для достижения этой цели и самым различным средствам. Пытаются оторвать язык от конкретно исторического развития нации, говорящей на данном языке, американские колонизаторы Европы используют всевозможные разновидности учения так называемых «семантиков». Кавычки показывают, что здесь речь идет не о подлинных исследователях значения слова, а об уездных идеологических прислужниках империализма. Эта группа «ученых» сводит язык к пропальной системе знаков, оторванной от времени и пространства и совершенно не связанной с исторической действительностью, с жизнью общества и тенденциями его развития.

Один из наиболее реакционных семантиков, американский «лингвист» Альфред Коржбицкий пишет в своей книге «Наука и здоровье», что подлинное значение слова возникает только в момент его произнесения. Это значит, что он отрицает за словами языка (ну, скажем, «велосипед», «сто») общее для всех членов данной нации значение. Иначе говоря, он отрицает как устойчивость языка, так и его исторически сложившийся характер, а наряду с этим также и отражение в языке национального характера данного народа. Цель всех этих «теорий» ясна. Это — стремление разрушить национальные языки, вынудить мысль о неизбежности постепенной замены национальных языков английским языком, о неизбежности превращения языка янки в мировой язык.

Прелюдией Уильям Фогт в своей книге «Путь к спасению» («Последний шанс человечества») также пытается развить свои космополитические теории с помощью подобного рода семантических «учений». С точки зрения другого американского семантика Стюарта Чейза, автора книги с многообещающим заглавием «Тирания слова», война между фашизмом и коммунизмом является чисто лингвистической проблемой. Ибо, с его точки зрения, мы не в праве рассматривать такие слова, как «нация», «конституция», «прогресс», «труд», «капитал», «Уолл-стрит» и т. п., как нечто реальное, соответствующее действительности. По Чейзу, люди впадают из-за этих абстрактных понятий, являющихся, таким образом, источником самых ужасных мировых войн. По мнению Чейза, причиной страданий народов Европы является, по сути дела, путаница понятий и неправильное словоупотребление.

Вывод, который вытекают из этой теории, весьма приятен для пожелавшей войны, он заключается в том, что во избежание войн вовсе не нужно вести борьбу за мир, следует организовать в широких масштабах курсы по изучению «семантики».

Политическая подоплека подобного рода семантических «учений» со всей ясностью обнаружилась во время прений в ЮНЕСКО в июне 1948 года на заседании комиссии по вопросу о правах человека, когда, под давлением американского делегата, было отклонено предложение о запрете фашистской деятельности и фашистских организаций, как угрожающих правам человека. Это было сделано под тем предлогом, что понятие «фашизм» будто бы неясно и является «дурным словоупотреблением».

Разумеется, американские империалисты не ограничиваются только насажением всякого рода реакционных лингвистических теорий, подрывающих основы национальных языков. Они зачастую прибегают и к более «прямолинейным действиям». Так, например, американские студенты, наводнившие осенью прошлого года голландские университеты, потребовали, чтобы преподавание велось только на английском языке.

Впрочем, о пренебрежении к нашему родному национальному языку не в меньшей степени свидетельствует и поведение наших отечественных угольщиков исполняющей воли американцев.

Радио, пресса, а также различного рода методические сводки изобилуют иностранными, преимущественно американскими, терминами, хотя в словарином составе голландского языка имеются эквивалентные слова и выражения. Среди этих заимствованных слов особенно часто встречаются термины, служащие для обозначения понятий, истинное значение которых старается, по возможности, завуалировать.

Так возникает постепенно космополитический жаргон, который проникает в наш язык и угрожает поглотить его. Не меньшую опасность представляет собой и вторжение американцев в школы в качестве преподавателей. Прибывающим из США «педагогам» поручается преподавание не только английского языка, но также истории социальных наук и других предметов. Однако истинный учебный год показал, что уровень подготовки преподавателей в нашей стране значительно выше, чем у американцев, имеющих диплом того или иного университета, ректором которого является Эйзенхауэр или какой-нибудь другой генерал.

Американизация нашего языка вызывает значительные протесты среди населения. Так, например, в «Голландском медицинском вестнике» (№ 27 от 27 октября 1951 г.) д-р Ганс обращается в редакцию с письмом под заголовком «Голландский язык», в котором он приводит ряд американских, встреченных им в журнальных статьях, и между прочим спрашивает: «Глубокоуважаемые редакторы! Будете ли вы способствовать тому, чтобы язык нашей нации в Голландии оставался голландским?»

То, что д-р Ганс говорит о науке, отношении ко всем сферам нашей жизни: язык в Голландии должен оставаться голландским. Борьба против превращения нашей страны в военную американскую базу, прогрессивные деятели культуры Голландии указывают народу и на ту опасность, которую несет в себе американская колонизация для голландского языка. Веда эту борьбу за сохранение родного языка, мы всегда помним слова нашего великого национального поэта Франса де Корта:

Как бы ни старались его принизить, мой родной язык, мой родной язык, Я люблю его, как свою отчину, Я отстаиваю его всеми силами.

Б. В.

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

# Венесуэла — колония янки

Читатель Т. Лихницкий (Ленинград) обратился в редакцию с вопросом: «Чем объясняются провокации правительства Венесуэлы в отношении советских дипломатических представителей, в результате которых наше правительство было вынуждено прекратить отношения с Венесуэлой?» Мы помещаем ответ В. Рудакова на вопрос читателя Т. Лихницкого.

Осенью прошлого года, выступая на нефтяном конгрессе в столице Венесуэлы — Каракасе, министр внутренних дел США Оскар Чалмен заявил: «Нефть является предметом первой необходимости во время войны». В этих словах — ключ к объяснению того положения, в котором оказалась Венесуэла — южноамериканская страна, превращенная волею Пентагона в резервуар для снабжения нефтью вооруженных сил США. Дело в том, что добыча нефти, составляющей основное богатство Венесуэлы, находится в руках иностранных монополистов и прежде всего американских, которым принадлежит свыше 70 процентов нефтяной промышленности.

Неудивительно, что в «независимой» Венесуэле, как у себя дома, командуют уполномоченные американских нефтяных королей Рокфеллеров. Принадлежащая им компания «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», по сути дела, стоит над государством. Судьба Венесуэлы зависит от интересов дельцов на штаб-квартиры «Стандарт ойл» в Нью-Йорке.

Страной правят клика офицеров (или, как принято говорить в Латинской Америке, хунта) во главе с полковником Пересом Хименесом. Эта военная хунта, тесно связанная с местными крупными помещиками и торговцами, состоит из служения у американских монополий. Безудержный террор, бесзастенчивый грабеж населения, коррупция и разложение, политический, социальный и экономический хаос в стране — таковы характерные черты правления хунты Хименеса.

Министр иностранных дел Венесуэлы Гомес Рус в одном из своих выступлений указывал пообещав уолл-стритским монополистам «устранить все случающиеся препятствия для развития нефтяной промышленности». Венесуэльские диктаторы старательно осуществляют данное Русом обещание — они всеми средствами подают борьбу народа Венесуэлы за национальную независимость, против колониального гнета янки.

Прибыли иностранные нефтяные компании растут из года в год. Так, даже по официальным и явным заявлениям данных, рокфеллеровская нефтяная компания «Бреол петролеум» в 1950 году получила 167 миллионов долларов чистой прибыли по сравнению со 116 миллионами долларов в 1949 году.

Не только нефтяные источники Венесуэлы оказались под контролем монополий США. Недавно крупнейшие американские сталенные корпорации «Бетихем стал» и «Юнайтед Стейтс стал» приступили к разработке огромных залежей железной руды, найденных в Венесуэле. По соглашению с военной хунтой, обе корпорации по дешевой приобрели концессии общей площадью свыше 38.000 гектаров на 50 лет с «правом пролонгации» их на такой же срок. Получив возможность свободно добывать руду, американцы будут оплачивать правительству Венесуэлы только один процент (!) ее стоимости.

Другим примером экономического ухудшения Венесуэлы служит навязанный в свое время Соединенными Штатами кабальный торговый договор, по которому правительство Венесуэлы обязалось по вывозить пошлыны на североамериканские товары. В результате венесуэльский рынок наводняется товарами с маркой «Реднон» в США». В этой связи газета «Эль-Фрэнко», отражающая взгляды некоторых кругов местных промышленников и торговцев, имеет интересную уместную американскими экспортными монополиями, писала: «Любезные американские империалисты идут в нашу страну для легкой конкуренции с молодой национальной промышленностью... Не приходится сомневаться в том, что если этот процесс не будет приостановлен, то в скором времени мы лишимся и того, что имеем».

Хозяйничанье американских монополий в Венесуэле и политика правящей хунты ведут к дальнейшему ухудшению положения трудящихся. В декабре прошлого года в стране насчитывалось более 40.000 только официально зарегистрированных безработных. Подавляющее большинство населения Венесуэлы вынуждено впасть нищенское существование. По признанию газеты «Эль-Националь», «население страны — истинный голодаст».

Таковы факты. Они убедительно показывают, что подлинными правителями Венесуэлы, беспощадно эксплуатирующими и губящими ее трудовой народ, являются нефтяные магнаты Уолл-стрит. Что же касается так называемого венесуэльского правительства, помещающегося в Каракасе, то это — не более чем марионетка Вашингтона, нанятая американскими империалистами для управления одной из нефтяных колоний США. Об этом, в частности, свидетельствуют недавние факты хунтского поведения венесуэльских властей по отношению к советским дипломатическим представителям в Венесуэле.

Эти провокационные акты, привели к прекращению Советским правительством отношений с Венесуэлой, продиктованы, конечно, не интересами венесуэльского народа, кровно заинтересованного в сохранении дружбы и сотрудничества с миролюбивым Советским Союзом. Эти акты явно инспирированы американскими пожелателями войны, которые делают все возможное, чтобы усилить напряженность международной обстановки. Одним из излюбленных приемов американского госпарламента как раз и является пропровоцирование антисоветских инцидентов латиноамериканскими сателлитами США. Напомним, что не так давно в подобной неведомой роли выступила правительница Кубы, а еще ранее — правящие круги Бразилии и Чили. Теперь, как видно, в Вашингтоне сочли нужным в качестве очередного хода в «холодной войне» динуть свою венесуэльскую пешку...

В. РУДАКОВ

# В СТАЛИНГРАДЕ

Виктор НЕКРАСОВ

Я думаю, что не обижу сталинградцев, если скажу, что чувства их, людей, живущих в одном из самых, может быть, интересных городов земного шара, немного притупились. Сталинградцы любят и гордятся своим городом, как мало кто может и имеет право гордиться, и все же они привыкли к нему, привыкли к тому, что в нем происходит, и многие из того, что кажется им обыкновенным, чего они уже не замечают, замечают мы, люди приезжие, замечают и восхищаются.

Если к тому же приезжий этот бывал здесь во время войны и видел то, что осталось от города в феврале сорок третьего года, то восприятие его — тут нет ничего удивительного — будет особенно остро, а чувствительность несколько повышена. И, конечно же, он будет вспоминать. Пусть же не осудит читатель его за это. Вспоминать всегда интереснее, чем слушать воспоминания, но удержаться от этого очень трудно.

Всякий поймет то волнение, с которым подходит человек к месту, где он когда-то воевал. В ТЭЦ тракторного завода я, правда, не воевал, но я должен был ее взорвать. На мне лежала тяжелая и страшная обязанность включить рубильник в случае, если поступит такой приказ. Приказа этого не поступило, но весь сентябрь 1942 года мы жили в ожидании его. Мы — это пять человек, живших в небольшом здании метрах в ста от станции. Лежа по вечерам на парах, мы смотрели на этот ненавистный рубильник с черной ручкой и все пятеро думали об одном. Это были невеселые мысли.

Среди нас пятерых был один эскортист. Я не буду о нем подробно рассказывать. В повести «В окопах Сталинграда» он называется Георгием Акимовичем. Маленький, подвижной, он всем был недоволен, всех и все ругал, но работал, как черт, и в ТЭЦ свое был влюблен, как в девушку.

Когда нас, саперов, отозвали и мы шли по выкопанному пешеходному мостику через Волгу, он стоял на высоком правом берегу и махал своей палочкой с пугалкой. Долго еще видна была его маленькая фигурка на фоне горящего от бомбежек завода. Вот еще один человек прошел через твою жизнь и исчез, и, вероятно, никогда ты больше его не увидишь и не услышишь о нем... Война.

...Сейчас кончится центральная заводская аллея, и налево будет ТЭЦ. Еще двадцать шагов, аллея кончилась. Налево ТЭЦ. Но она ли это? Я ее не узнаю. Она в два раза больше. Она расширилась. На ней никогда не было столько труб. Новые пристройки, нагромождения.

Через несколько минут мы представимся начальнику, и я спрошу его, но работает ли у них маленький гоубологазильный, выпильный инженер. Фамилия у его, к сожалению, забыла и имя тоже — ведь столько событий произошло после этого. Кажется, Вячеслав, если не ошибаюсь. Нас останавливает вахтер.

— Вам к кому?  
— К начальнику.  
— К Данилову?  
Я вздрогнул:  
— Да... К Данилову.

Нас проводят в его кабинет. За большим столом у окна сидит и жует завтрак маленький гоубологазильный человек в черной спецовке с выходящими из кармана карандашами и линейками. Господи! Да ведь он и тогда и такой же ходил! И такие же карандашники, такие же линейки.

...Мы ходим с ним, с Даниловым Вячеславом Михайловичем, по тем самым местам, по которым ходили десять лет назад и раскладывали здоровенные мешки с аммонитом, где он часами бегал со своим неразлучным омером и проверял целостность проводов между подвальной станцией и взрывчаткой — немецкие мины поминутно их рвали. Заходим в машинный зал, слушаемся виза, под генераторы. Тут еще

сохранились на стенке наши надписи, и мы радуемся им, как маленькие дети.

И когда вестером, уставшие от встречи и воспоминаний, мы сидим на веранде небольшого дачного домика, я смотрю на своего теплеющего хозяина и думаю: да ведь ты такой же, как и был. Вячеслав Михайлович, Слава, Георгий Акимович — такой же подвижной, энергичный, непоседа, и та же или похожая на нее курточка с карандашами в кармане... Тот и не тот. Так же, как и ТЭЦ, — та и не та. Она хорошо видна отсюда, с горы — большая, многотрубная. Вот она задыхалась — слишком густо, слишком черно.

— Какого дьявола задыхали! — Кричит Данилов в телефон. — Прекратите! И мне становится еще приятнее. Ведь и сейчас в гостях и запросто разговариваю с человеком, который может вот так снять трубку и приказать, чтобы дым был не такой черный, и через несколько минут из труб ТЭЦ пойдет более спокойный и светлый дым, из труб той самой ТЭЦ, к жизни и смерти которой мы когда-то имели какое-то отношение.

Завод Метиз, как он назывался в нашем полку, или метизный, как называли его сталинградцы, или завод тракторных деталей, как он называется сейчас, раскинулся у самого подножья Мамаева кургана. Завод или, вернее, передовую, которая десять лет назад проходила по его территории, так как сам завод давно уже не существовал, изредка бомбили «конкреты», чаще обстреливали «мессеры», еще чаще артиллерия и почти без всякого перерыва минометы.

Днем связи с передовой не было — все подходы простреливались. Жизнь начиналась ночью. Бегали на берег за обедом старшины, молчаливой вереницей тащили солдаты снаряды и мины на передовую, появлялись саперы, разведчики, различные полевые подразделения.

Длинный, ак. какой длинный путь от берега до бульварчика, тянувшегося вдоль завода; недалеко от входа — подобный трамвайчик, у колес которого мы всегда перекурывали, сам худой, разрушенный мины, срезанные снарядами мертвые тополя, а дальше цехи — разрушенные, разваленные, сожженные. И над всем этим черное октябрьское небо, беззвучные вышки ракет, шедшие немецкими минометов и противные, сухие разрывы.

Я попал на этот завод только через десять лет, в июне этого года. Впервые я вижу его днем. Я не буду говорить, узнал я его или не узнал — всякий ответ будет звучать немного банально. Не буду говорить и о том, как искал и не нашел старые окопы, как пытался восстановить, где же проходила передовая, не буду говорить и о самом заводе — это особая тема, — я скажу только несколько слов о тополях.

Те самые, срезанные снарядами тополя у входа, мимо которых мы торопливо проехали темными октябрьскими ночами 42-го года, те самые, мертвые, как нам тогда казалось, они выросли и стали большими, красивыми, настоящими топочками. И вырастали, слав их Рогов — старый заводник завода. Совсем обыкновенный на вид, невысок, чуть-чуть сутуловатый, с черными от земли руками, это он переправил свой завод в сад — я не преувеличиваю, это действительно так, — это он вырастил в бедном зеленом Сталинграде, на сухой его почве эти деревья с такими пышными кронами, это он украсил заводские скверики маленькими ивыными деревьями, которые тоже станут большими. Все это — дело его рук.

Он подводит нас к топочкам, стройной шеренгой выстроившимися вдоль входа, наклон-

няется и, держа ладонь сантиметра в двадцати от земли, говорит:

— Вот какими я их застал. Честное слово. А сейчас какие? В деревьях метра по три, а то и четыре. Надо было только первой веточки дожидаться, вот отсюда, почти из корня. А уж если появится, тогда как-нибудь вытиснем.

И вытиснул.

Сейчас высокие, стройные, чуть шелестящие на ветру тополя и цехи восстановленного завода, на стены которых молодые деревца бросают свою полупрозрачную тень, — может быть, все это и есть лучший памятник тем, кто лежит сейчас в земле Сталинграда, кто отдал свои жизни в разрушенных цехах Метиза.

Жарко. Мы лежим на берегу и смотрим на воду. Ее очень много, она чуть-чуть рябится и, если посмотреть на нее возле самого берега, видно, что она желтоватая. Узкой полоской тянется противоположный берег. На нем какие-то домики. Правее бегут две башенки — шлюзы Карповского водохранилища.

Солнце поднимается выше и становится еще жарче. Мы бросаемся в воду и долго плаваем. Потом, залыпавшие, вылезаем на берег и, растянувшись на траве, загораем. Шагах в десяти от нас, неслышно галдя и брызгаясь, кунаются ребяташки. Я гляжу на них — веселых, загорелых, блестящих от воды, — и мне до смерти хочется рассказать своим спутникам, как отступали мы в сорок второго году по этим самым местам, как было жарко, куда жарче, чем сейчас, и хотелось пить, и негде было напиться, как осточертели нам эти сухие, безводные степи, это выжженное, бесцветное небо, безумно звенящие кузнечики... Но я ничего об этом не рассказываю, я знаю, что уже надоел всем своим воспоминаниями.

И просто лежу и думаю. На Метизе, на Тракторном я все-таки пытаюсь что-то увидеть. Здесь я все не пытаюсь. Это бесполезно. Я знаю только одно — я здесь лежим. Можем, именно здесь, где мы сейчас лежим, мы делали привал и бегали за тридцать километров искать воду да напоить лошадей. Потом проехали солдаты в машинах с прицепленными к ним пушками и что-то весело нам кричали, а мы только мрачно молчали. Они ехали на фронт, в Калач — там шли бои, — а мы в Сталинград, в поисках своей армии.

Я смотрю на эту большую, спокойную воду, на выходящую на той стороне домики, и невольно начинаю думать, что это все так и было. И вода, и те домики, и этот берег с травой и какими-то камнями. Я знаю, что это не так, знаю, что все это результат напряженной человеческой работы и боли, и все же я не могу отделиться от этой мысли — так органически вписался в окружающий пейзаж. И может быть, именно в этом, в этой естественности, в этих обычных берегах и как будто всегда стоявших на них домиках — может, именно в этом и заключается величие грандиознейшего из сооружений, соединившего две великие реки и окинившего своими водами растерзанную землю сожженных солнцем и ветрами степей...

К нам подбежал голый, с прилипшими ко лбу бесемья волосенками парнишка и попросил прикурить. Его следовало отчитать и не дать шапиро, но мы все-таки дали. От неприкрашенности купания он озяб, покрывшись гусиной кожей и никак не мог зажать спичку трясущимися пальцами.

— Разве можно столько купаться, пацан? Ты б погрелся на солнце. Смотри — весь синий.

— Он даже не улыбнулся.

— Солнце, — презрительно сказал он. — Знаешь, как оно нам надоело.

— А вода?

— Спрашиваешь... — и, свернув пятачки, он стрелой помчался, неся за ушами еще две пары волос от своих друзей.

## В. КУКИНОВА Черные шары

Товарищ, пришедший в редакцию, был явно взволнован и не скрывал этого. Он так прямо и начал:

— Не могу, знаете ли, скрыть своего возмущения по поводу одного факта, свидетелем которого мне пришлось быть. Может быть, следует возмутиться публично? Надо же как-то бороться с этим злом! Вот решил зайти к вам рассказать.

У меня есть друг — Александр Викторович Радвогня. Он юрист. Учился в Московском юридическом институте — учился очень хорошо, был стилистом аспирантурой. Недавно состоялась защита его диссертации «Советская автономия и ее формы».

Я думаю, излишне объяснять вам, как жаль мой друг этого дня, с каким волнением шел на заседание Ученого совета, готовясь выслушать авторитетное слово старших по науке товарищей, их строгую, но справедливую критику и нелицеприятную оценку своего труда. Излишне — потому что каждый понимает, какое это большое и ответственное событие для вступающего в науку ученого.

Не скрою — я очень гордился своим приятелем, слушая, как маститые ученые повально отзывались о нем и о его работе. Они говорили, что диссертант «четко раскрывает эволюцию взглядов партии по национальному вопросу», «ярко выявляет реакционную роль оппортунизма», «дает глубокое теоретическое обоснование... что «работу написана с боевых большевистских позиций».

Так говорил проф. Евтихийев, кандидат наук Куприн, Угрюмов и Розин. Даже выступивший с критикой членство положения диссертации проф. Кравчук не мог не отметить, что диссертация Радвогня «первая работа, в которой так широко поставлен вопрос о советской автономии вообще и о ее формах в частности».

Оба оппонента — и проф. Евтихийев и доцент Куприн, отметив отдельные недочеты диссертации, заявили в заключение, что «диссертанту может быть присвоена ученая степень».

процедуры голосования и никто не объявлял официальных результатов, а Радвогня уже поздравляли и жали руки.

Я тоже поздравил, потому что тоже не сомневался в результатах голосования. Я плохой рассказчик и не могу передать то замешательство, которое наступило в зале после объявления результатов голосования. Председатель сообщил, что из 16 членов Ученого совета, принявших участие в голосовании, восемь проголосовало за присуждение диссертанту Радвогню ученой степени кандидата наук, а восемь — против. Поэтому диссертанту в ученой степени отказано. Такое решение означало, что диссертация не отвечает требованиям, которые к ней предъявляются.

Вот, собственно, и все.

С тяжелым чувством покинул я это научное учреждение, чрезвычайно огорченный за друга, но еще более огорченный непонятием для меня поведения ученых, их манерой выражать свое мнение, вернее, не столько выражать, сколько скрывать его.

И, видите ли, так и не понял, почему разделился голос. Почему диссертация, о которой говорилось столько хорошего, была признана не отвечающей требованиям, а диссертант — не достойным ученой степени. Не понял этого, как я видел, и многие другие, а главное — сам диссертант. Он не мог этого понять, а значит, не вынес для себя ничего, кроме горечи, обиды и недоумения.

В чем заключалась слабость его диссертации? Невозможно. Почему она не отвечает каким требованиям, предъявляемым к диссертациям, и каким именно? Что надо сделать, чтобы она стала отвечать этим самым требованиям? Никто из восьми проголосовавших против не говорил ничего об этом, но было видно пять выступивших, и четверо из них единодушно признали за диссертантом право получения ученой степени, а пятый критиковал диссертацию лишь по одному частному положению. Все же остальные ученые почему-то решили оставить в тайне от диссертанта причины своего несогласия с его работой. А разве тайна голосования в советских условиях существует для утайки мыслей, а не для честной, прямой критики и открытой борьбы мнений?

Так говорил пришедший в редакцию товарищ, и трудно было что-нибудь возразить ему. Трудно, потому что рассказанное не представляло собой какого-то приключенческого и случайно происшедшего недоразумения, а почти фотографически отражало практику обсуждения диссертаций в некоторых наших научных учреждениях.

Вот на Московский, а Ленинградский юридический институт. Другое учреждение, другая тема диссертации — «Основные вопросы юридического права в Болгарии». Другой диссертант — тов. М. Краснополяна, и другой Ученый совет обсуждает и решает судьбу научной работы. Но мы не чувствуем перемены места действия. Официальные оппоненты проф. Угрюмов и доцент Грозовская дают диссертации в основном положительную оценку. Оба заявляют, что диссертант достоин ученой степени кандидата наук. Оппоненты заканчивают свои речи. В зале царяется молчание. Желаящих выступить нет. А результаты голосования: 6 — за, 5 — против.

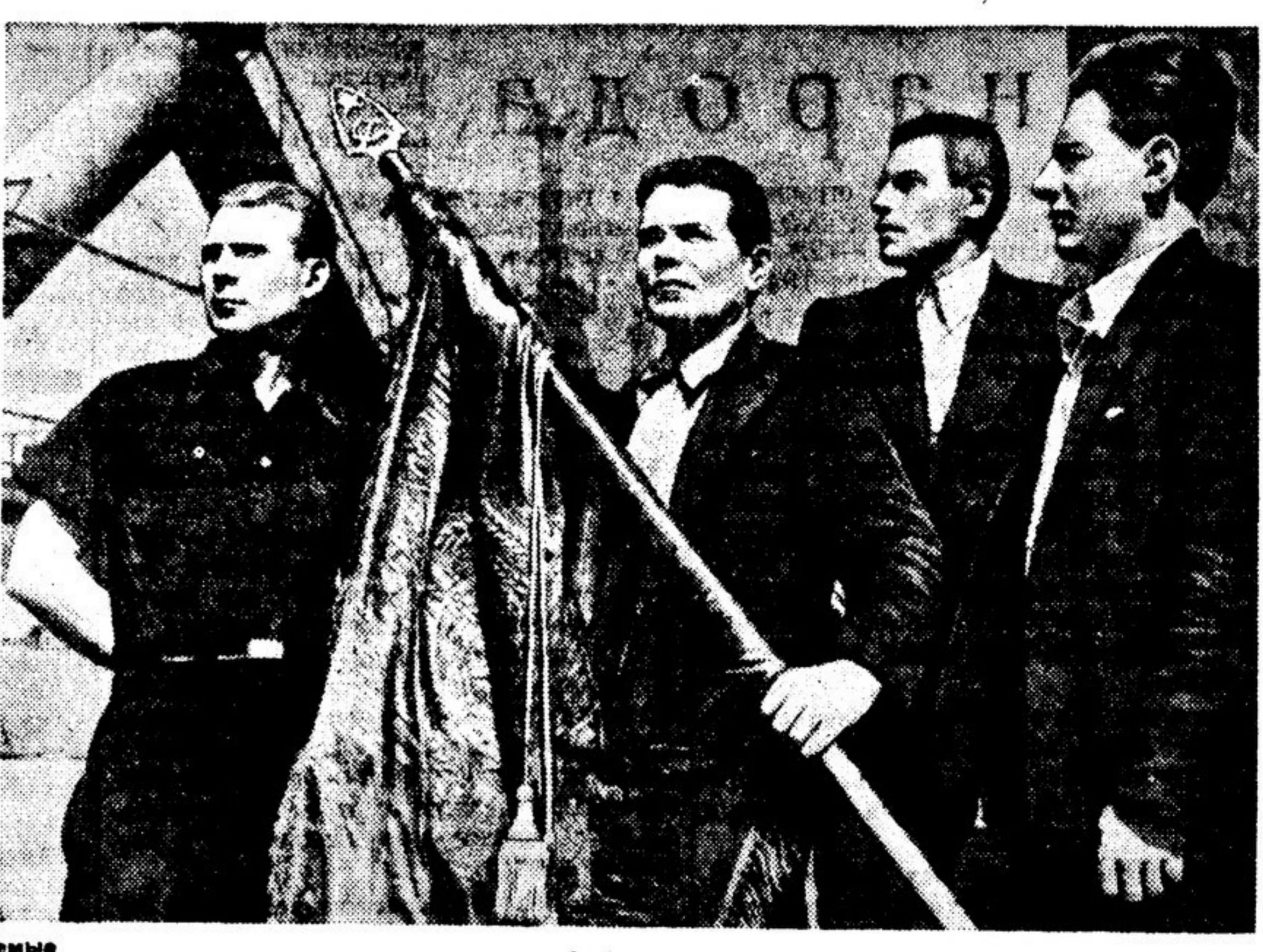
Вот Институт истории Академии наук СССР. Опять знакомая манера обсуждения, опять знакомый стиль. И здесь все критические замечания, возражения, несогласия — все те «протесты», которые советскому ученому приходится высказывать вслух, доносится только урне и только его «учитывается» (см. в подтверждение протоколы заседаний Ученого совета Института истории, посвященные защите диссертаций В. Полежаева, М. Машикина и многих других).

Почему же так происходит? Почему такое важное для науки дело, как защита диссертации, то есть защита нового научного труда, а значит — новых утверждений и взглядов, имеющих своим назначением быть широкой научной конференцией, на которой должна происходить оценообразующая наука борьба мнений, горячий и принципиальный спор, столкновение различных точек зрения, их защита и их обоснование, выработка правильного направления и т. д., — почему все это сведено к бесловесному и бесстрастному акту: к опусканию бюллетеней, к «сприговариванию» или «отлучению» того или иного диссертанта от ученой степени?

Факты показывают, что происходит это, главным образом, по двум причинам: из-за проявлений беспринципности и формализма некоторой частью наших ученых, находящихся в плену у чуждого духа советской науки пережитков старого.

## ЗНАМЯ, ОВЕЯННОЕ СЛАВОЙ

У этого знамени интересная история. Весной 1942 года алапаевские металлурги прочесали на фронт уральскую танковую часть, вручили его бойцам. Развеваясь над башиной головной танка, знамя начало возмущаться. Об обих земляках, новачках в тылу оружье победы. Символом несоружимого единства фронта и тыла было это знамя в суровые годы войны. Танковая часть с доблестью пронесла его по многим дорогам войны, увенчала ее всеми орденами. Гордо реяло знамя алапаевских металлургов в Невисберге, где танкисты отпраздновали день Победы.



А после войны вернулось знамя в Алапаевск. И с тех пор — так уж повелось на заводе — оно вручается цеху, победившему в социалистической соревновании. Сегодня почетное шестое знамя завоевали листопрокатчики.

Его держит старший награжденный Всеволод Зякин, кадровый металлург, учитель молодых рабочих, награжденный орденом Ленина. 28 лет трудится он на алапаевском заводе. Слева — Петр Ямщиков, начальник смены. В тот год, когда танкисты под этим знаменем громили врага, Ямщиков окончил школу ФЗО и пришел на завод. Теперь он высококвалифицированный металлург, отличный мастер. По правую руку от Зякина — Иван Ионов и Василий Харламов — старшие вальцовщики. Оба они в совершенстве овладели своей профессией, оба — уважаемые люди в коллективе цеха.

Очевидно, знамя славы знамя — в крепких руках. Осаненные этим знаменем, металлурги Алапаевска одерживают слабые производственные победы.

### «Собака рыжая, зрачок зеленый»

Оранжевая крыша причудливого строения четко выделяется на фоне ядовитой зелени окружающего ландшафта. В голубом пруду безмятежно плавают белые лебеди. Это один из многочисленных вариантов более или менее устойчивой композиции. Все эти варианты роднят единую «школу», одинаковая техника и сравнительно «сходная» цена (10—15 рублей). Ленинградские рынки прямо-таки завалены такими произведениями «искусства». А рядом с подобными «картинами» — нарисованные на стекле русалки, собаки с кошачьими мордами из гипса, настенные ковры с уродливыми зверями, раскрашенные фотографии окружающих парочек.

Изучая искусство, хочется видеть у себя дома выполненное художественным вкусом настенные ковры, картины, рамки, вышивки, статуэтки. Но попробуйте найти их! И вот тут-то и выступают на сцену халтурщики, предлагаая свою «творения». По стопам рыночных маляров идут и некоторые артисты. В магазине Ленпромторга № 110, что на Невском проспекте, вы можете приобрести рисунки для вышивки, выпущенные артелью «Бытоснабжения» г. Тихвина. Чего здесь только нет! Рахитинский мальчик держит в руке веревку, к противоположному концу которой привязан усенок. Из узелка выглядывает некое доисторическое чудовище, должно быть, изображает щенка. А чтобы при внимании не произошло ошибки, рисунок снабжен пояснительным текстом, из которого мы узнаем, что цвет лица мальчика «стальной», глаза: зрачок синий, белок белый, «собака рыжая, глаза: зрачок зеленый, белок розоватый».

В крупнейшем универсаме города — Доме ленинградской торговли — покупателю без всякого стеснения предлагают пластмассовые тарелочки, на которых масляной краской намалеваны аляповатые цветы и грязновато-серые кошечки. Трижды снижали цены на эти изделия театральное-постановочного комбината (?), но даже низкая цена не привлекала покупателей. Так и лежат они на полках универсала с 1948 года.

Ответственным товарищам из Союза художников, художественным издательствам, союзам промысловой кооперации, отделам местной промышленности пора позабыться о том, чтобы советский человек мог украсить свою квартиру не беззвучными и пошлыми «творениями» халтурщиков, а художественными и доступными по цене произведениями прикладного искусства. Торговая сеть не должна принимать для продажи все, что ей предлагают.

Юрий ДАШЕВСКИЙ

## ЦЕННАЯ НАХОДКА

Выдающийся русский физик конца XVIII и начала XIX века Василий Владимирович Петров внес громадный вклад в развитие учения об электричестве и в ряд других разделов физики. Построив в период с ноября 1801 по апрель 1802 года крупнейшую в мире гальваническую батарею, состоявшую из 4200 пар медных и цинковых кружков, т. е. создав впервые в истории науки мощный источник постоянного тока, В. В. Петров провел, пользуясь этой батареей, множество опытов, приведших его к ряду выдающихся открытий. Он впервые в истории науки открыл явление электрической дуги, заложил основы электрохимии, электроterapiи и многих других областей применения электрического тока для практических нужд человека.

Несмотря на столь большие заслуги В. В. Петрова перед отечественной наукой, имя и труды его в дореволюционное время оставались почти неизвестными. Только в наше время советскими учеными труды В. В. Петрова были собраны, изучены и выданы до самых широких кругов читателей.

Изучая жизнь этого выдающегося русского физика, советские историки науки до этого времени сталкивались с отсутствием его портретных изображений.

Ни среди опубликованных в разное время в различных печатных изданиях, ни среди хранящихся в библиотеках и музеях нашей страны портретов русских людей XVIII и XIX веков такого портрета до сих пор отыскать не удалось.

Все сведения о внешнем виде В. В. Петрова черпались лишь из дошедших до нас в мемуарах его современников указаний, что он был человеком довольно высокого роста.

Совсем недавно портрет В. В. Петрова удалось найти. Во время своего последнего посещения Ленинграда в декабре 1950 года академик С. И. Вавилов сообщил автору этой статьи, что по именному указанию его сведения по портрету В. В. Петрова имелся у потомков ученого. Те же сведения, по словам С. И. Вавилова, указывали, что это был портрет небольшого размера, писанный на бумаге «водяными красками», т. е. акварелью, что ученый был изображен еще в молодые годы стоящим возле сто-

ла с установленной на нем какой-то электрической машиной и что последним известным владельцем этого портрета был псковский собиратель предметов русской старины дореволюционного времени М. Ф. Плюшкин.

Удалось выяснить, что все собрание Плюшкина накануне империалистической войны 1914—1918 гг. было приобретено царским правительством для пополнения Музея императора Александра III (ныне Государственный Русский музей) в Петербурге. Было установлено также, что к настоящему времени отдельные части этого собрания оказались рассредоточены в трех ленинградских музеях: в Государственном Русском музее, в Государственном музее этнографии и в Государственном Эрмитаже. Просматривая предметы из собрания М. Ф. Плюшкина, хранящиеся в запасных фондах Государственного Эрмитажа, мы и обнаружили среди них описанный С. И. Вавиловым портрет. Генеральный русский физик В. В. Петров изображен в молодом возрасте, стоящим у стола с установленным на нем каким-то, явно связанным с электричеством прибором.

Представляет интерес время, когда был написан этот портрет великого физика. Судя по костюму, в который одет В. В. Петров, временем его написания следует считать последнюю четверть XVIII века. Согласно этому времени и возрасту, в котором изображен ученый. Нам думается, что изобразил его художник на этом портрете в первые годы после его возвращения в 1791 году с Англии, т. е. еще задолго до постройки им своей гальванической батареи и написания указанных выше трудов.

Имя художника, писавшего этот портрет, установить не удалось. Как и указывалось С. И. Вавиловым, на бумаге акварельными красками. Размер его действительно небольшой — 10,0x7,0 см.

Найденный портрет В. В. Петрова позволяет нам ясно представить облик выдающегося ученого, охватывающего общественно-научные открытия.

В. ЧЕНАКАЛ,  
директор музея В. В. Ломоносова  
ЛЕНИНГРАД

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

угодно и широкую науку замечательными открытиями.

1. — Придет время, — писал Белинский о Пушкине, — когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство.

В нашей советской стране литература стала могучим средством формирования личности человека. Она выполняет ту великую задачу искусства, которую Горький определил краткой формулой — сделать человека сильным и красивым. Художественную литературу он справедливо считал наиболее доступным пониманию масс видом искусства и поэтому наиболее мощным средством культурного воспитания.

Средняя школа должна давать учащимся известную систему основных литературных знаний. Человек, окончивший среднюю школу, в дальнейшем, на сложившемся в школе фундаменте знаний и понимания, строит самостоятельное чтение литературы — выбор ее, усвоение, суждение о прочитанном.

Задача школы прежде всего должна заключаться в том, чтобы глубоко использовать в воспитательных целях идейные и эстетические достоинства литературных произведений, привить молодежи любовь к литературе, умение ценить и чувствовать выразительность, красочность и живость художественной литературы, умение понимать язык образов, которым говорят литературные произведения.

Как важно с юных лет воспитать избирательную способность в чтении литературы, воспитать то, что мы называем художественным вкусом! Ведь подлинно галантное не просто запоминается — оно как бы вписывается в характер человека, в какой-то мере — в судьбу его.

Достижения советской школы в преподавании литературы несомненны. В нашей школе — в отличие от дореволюционной — программой предусмотрено изучение не только классической, но и современной литературы. Партия, постоянно заботясь о школе, помогла ей отвернуть в области изучения литературы (как и других предметов) различные «комплексы» и «дальтонизмы», встать на твердый путь марксистско-ленинской эстетики, на путь марксистского метода изучения литературного процесса и анализа литературно-художественных произведений. Учебники и учебные пособия по литературе стали более совершенными.

И все же в организации и практике преподавания литературы в школе есть еще серьезные недочеты. Многие из них — результат недооценки специфики художественной литературы как явления и как учебного предмета; результат превращения в практике преподавания пережитков вульгарного социологизаторства; результат того, что учебники, учебные пособия и программы все еще недостаточно помогают учителям литературы правильно и широко использовать свой предмет для нравственного и эстетического воспитания школьников.

Идейным стержнем всей системы преподавания литературы в школе должно быть воспитание коммунистической нравственности. «В основе коммунистической нравственности, — учит Ленин, — лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма». Именно этой борьбой — мужественной и самоотверженной — определяются мысли и поступки советских людей, героев произведений современной нашей литературы. Именно к успехам этой борьбы привел благородная деятельность людей, черты которых воплощены в героях лучших произведений классической русской литературы. Познавая моральную красоту этих людей — наших современников и их предшественников — это значит понять и усвоить в известной мере основы нашей, коммунистической нравственности.

Воспитывающее значение преподавания литературы заключается, следовательно, прежде всего в глубоком раскрытии идейного содержания изучаемых литературных произведений и образов героев этих произведений. Это чрезвычайно важно.

обдумывающему житье, решающему — сделать бы жизнь с кого...

Познавая в процессе изучения литературы отраженную в ней жизнь, молодые люди извлекают из этого познания «уроки жизни». Но идейная сущность изучения литературы этим вовсе не ограничивается. Здесь уместно вспомнить слова Н. Г. Чернышевского о том, что задачей искусства является, кроме познания жизни, еще и задача научить людей правильно оценивать те или иные общественные явления.

Через произведения художественной литературы писатель и педагог помогают молодежи отличать прогрессивное и переломное от реакционного, остальное. Молодому человеку, если он правильно воспитан на лучших образцах художественной литературы, легче самостоятельно разбираться в воззрениях, идеях, этических поступках. Воспитание мужества, стойкости, готовности к борьбе; воспитание патриотизма; пропаганда труда как нравственной категории; воспитание любви к труду и творческого к нему отношения: забота в широком смысле слова о душевном здоровье молодого поколения — вот те высокие цели, которые стоят перед преподавателями литературы в школе.

Идейное содержание произведений было, есть и будет основным, решающим, самым важным в преподавании литературы. Тут не может и не должно быть двух мнений. Но именно потому, что нам дорого идейное содержание литературы, мы кропотливо заинтересованы в том, чтобы на уроках литературы идейный анализ не был оторван от художественной ткани произведения, от рассмотренных эстетических достоинств его. Изучение литературного произведения только в таком гармонич-

ском единстве обеспечивает полноценное использование его воспитательных возможностей. Без человеческих эмоций, — учит В. П. Ленин, — никогда не было, нет и быть не может человеческого искания истины.

Преподаватель литературы нуждается в том, чтобы ему помогли овладеть мастерством идейно-эстетического анализа произведения. Составители методических пособий плохо помогают ему в этом. Авторы учебников — даже лучших, — забывая указание партии «о создании учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение», своими неудачными, канцелярскими формулировками объективно помогают проявлению пережитков вульгарного социологизаторства и мешают глубоко воспринять эстетические достоинства художественного произведения.

Вот учебник русской литературы для 9-го класса средней школы. Глава «Л. Н. Толстой» написана А. Зерцановым.

Автор говорит о романе «Анна Каренина» и дает характеристики образов героев романа. И что же? Он с педантичностью протоколистно сообщает юному читателю, что Анна Каренина — это «одна из блестящих представительниц великосветского общества 70-х годов»; что Вронский — «один из блестящих представителей великосветских кругов России своего времени»; что Облонский — «это представитель разоряющейся родовой аристократии»; что Алексей Каренин — «представитель сановой бюрократии столиц»; что, наконец, в лице Левина Толстой нарисовал «одного из лучших представителей помещичьего класса своей эпохи».

Никто не оспаривает правильности этих определений по существу. Но разве не ясно, что так сформулированные определения превращают художественные образы в мертвые схемы и не оставляют в сознании детей живых, ярких представлений.

В иных учебниках социальный анализ произведения принимает иногда нелепые формы.

Авторы не считают с возрастом школьников. Нужно, например, утратить элементарное чувство юмора, чтобы всерьез поучать четырнадцатилетних восьмиклассников, как это делают авторы учебника Н. Пospelova и П. Шабловский, что «в поэме «Цыгане» Алеко осуждается как представитель индивидуализма, связанного с основами дворянско-помещичьего строя и паразитической культуры».

Нет, не такими фразами, не таким набором «сухих» слов надо раскрывать перед детьми содержание произведений литературы!

2. Принципиальные основы эстетики должны быть известны и понятны молодежи. Речь идет здесь не о том, чтобы отводить в школе уроки для прохождения особого курса эстетической эстетики. Речь идет о том, чтобы на протяжении всего курса литературы, изучая творчество наших писателей, умело подчеркивать перед школьниками принципы и законы нашей эстетики. Дело это трудное и сложное. Помочь учителям должны программы, учебники, методические пособия.

В объяснительной записке к программе средней школы говорится: «Через весь курс проводится идея о том, что социалистический реализм является высшим этапом развития искусства». Но как трактовать эту идею, как трактовать вопрос о социалистическом реализме, каковы его основные черты, — об этом в программе ни слова.

В объяснительной записке к программе говорится, что «материал художественной литературы дает большие возможности для эстетического воспитания учащихся». Но как этими возможностями пользоваться, — авторы записки не показывают.

Спору нет. Художественная литература действительно открывает безграничные возможности для эстетического воспитания учащихся. Надо помочь эти возможности раскрыть — и перед опытным учителем, и перед молодым педагогом, еще не имеющим опыта преподавания.

В своем этюде «Не страшно» В. Г. Короленко приводит горькую исповедь учителя литературы — когда-то горячего и страстного, — который смирился с казенщиной и рутинной в преподавании:

— Класс стал именно классом: живые лица стали отдалиться все больше, отошли в туман какой-то... прикосновение умственное утратилось... Отметки... планы... перечисление стилистических красот живописного произведения. В данном произведении 12 красот. Красота первая, красота вторая... Ну, и так далее... Соответственно требованиям программы... То есть, понимаете, и не заметил, как пошла и у меня та же... бухгалтерия.

Учитель — наш современник, учитель советский никогда не смирился с тем, чтобы его живую и творческую миссию воспитателя подменяли бухгалтерским «испеланием на костях». И он горячо протестует, когда сталкивается с подобными фактами. А факты эти, к сожалению, есть. И о них пишут учителя, критикуя учебники, учебно-методические пособия и их авторов за то, что те никак не могут очиститься от рудиментных пятен давно канувшей в Лету истории русской словесности пресловутого Савокина.

В романе Константина Федина «Первые радости» есть рассказ о том, как девочка Анюта впервые в жизни удалось увидеть театральное представление. Она вся под впечатлением виденного, она всему верит, она «могла бы повторить каждый шаг палача, каждый вздох корсара, каждое ма-

повение короля». Но взрослые тут же, при ней безжалостно разрушают очарование. Анюта сопротивляется, спорит, она продолжает верить, что корсару на самом деле отрубил голову, что лилась настоящая кровь. И вдруг выясняется, что «никакой крови нет, а есть клетка».

В положении такой девочки Анюты могут оказаться многие наши школьники, если их преподаватели при разборе произведений литературы будут в точности придерживаться некоторых действующих учебников.

В классе типична. Учитель только что закрыл маленький томик Пушкина, из которого он прочитал детям знаменитое стихотворение «К морю». Только что прозвучали заключительные строфы:

Прощай же, море! Не забуду  
Твоей торжественной красоты  
И долго, долго слышать буду  
Твой гуд в вечерние часы.  
В леса, в пустыни молчаливы  
Перенесу, тобою полны,  
Твои скалы, твои заливы,  
И блеск, и тень, и говор волн.

«Дети взволнованы глубиной чувств и благородством мыслей поэта. Но проходит минута, и очарование исчезает: учитель, следуя учебнику Н. Пospelova и П. Шабловского, приступает к «разбору» стихотворения. И оказалось, что это чудесное творение Пушкина «можно разбить (!) на три части». «Разбив» стихотворение «К морю», учитель прилежно занялся унылым анализом каждого из трех отскоков, один из которых означает по учебнику «прощание», второй — «воспоминания» и третий — «обещания». К концу урока таким анализом он добился, что детям уже «надеело» это стихотворение, и они с нетерпением ожидают звонка.

Но если ученик не стал лучше понимать красоту произведения после того, как учитель, «разбив» произведение на части, анализирует каждую из них в отдельности, то такой «анализ» не приносит пользы. После такого «анализа» у школьника остается представление о какой-то схеме, об отрывке произведения, но само произведение с его горячими чувствами, с благородством стремлений, с красотой слова, ритма, образа — остается за пределами его понимания.

Учитель литературы — это посредник между писателем и воспитанником. Он обязан бережно донести произведение до школьника. Анализ учителем структуры произведения, образов героев, взаимоотношений образов должен способствовать расширению богатств произведения, должен сделать это произведение в представлении школьника еще более прекрасным.

Постоянное сочетание тонкого и живого анализа составных частей произведения с оценкой его как целого — вот главная задача учителя литературы.

Благородная задача учителя — раскрыть перед своими воспитанниками красоту, простоту и художественную правду произведения! Преподаватель литературы должен не только требовать от учеников четкого и выразительного чтения называемых различных отрывков, особенно лирики. Он должен сам быть предположен творческого вдохновения, сам должен уметь «заглаголом жечь сердца людей», уметь с великой любовью и бережливостью относиться к сокровищам классической и советской литературы.

Есть у нас много таких преподавателей литературы. Побеседуйте со студентами гуманитарных вузов. Каждый третий из них скажет, что он избрал своей специальностью литературу только потому, что школьный учитель привил ему горячую и взволнованную любовь к ней.

Да, таких педагогов — «солнцем в крови» — у нас, к счастью, с каждым годом становится все больше и больше. И тем не менее — это надо признать со всей ясностью — есть еще немало и таких учителей, которые в силу своей плохой подготовки или не любви к литературе не могут достойно справиться с возложенной на них задачей.

В одной из столичных школ рабочей молодежи учитель литературы, не справляясь с курсом, решил «рационализировать» преподавание своего предмета. Он кратко объясняет учащимся новый материал, после чего вручает им своеобразную «шпаргалку», наводящую на действующим учебником. От учащихся требуется, «не мудрствуя лукаво», заучить предложенную шпаргалку. Такие «либретто» он составлял и по Гоголю, и по Пушкину, и по Лермонтову. Вот как выглядят, например, возмущающее поэтическое творение М. Ю. Лермонтова «Мцыри» в обработке этого горе-рационализатора:

Главный герой поэмы юноша Мцыри. Он насильственно был захвачен в плен и воспитывался в чуждом ему монастыре. Примирившись с жизнью в монастыре он не может. Он мечтает о свободе, о возвращении на родину. Он сравнивает себя с янском, «грозою отравленным».

В бурную ночь, когда бушевала гроза, и монахи трепетно склонились в молитве перед алтарем, Мцыри убежал. Три дня он провел в степи. У него презрение к опасности.

Спуск с высоты скал к потоку, около которого Мцыри увидел грузинку, был почти невозможен. Силой воли он подавляет в себе пробудившиеся нежные чувства к грузинке, потому что возвращение на родину — главное для него.

В степи он встретил барса. Несмотря на глубокие раны, полученные в борьбе с барсом, Мцыри не слезает. Он преодолевает боль от ран, невозможную устойчивость и идет к своей цели.

И вновь, собрав остаток сил, побрел в глубине лесной.

Он изнемогает от жары и жажды, но и теперь не хочет ни снисхождения, ни жалости.

Большое значение имеет сон. В нем радость от общения с природой.

Песня рыбака — это песня природы.

Он умирает, но непокоренным. Дух не сложен его.

Незадачный учитель, о своеобразной методике которого мы здесь рассказали, проделал другую работу — он превратил чудесное поэтическое произведение Лермонтова в бездарное, безграмотное либретто.

Но случается и другое.

Однажды нам довелось побывать на уроках литературы одной очень хорошей, глубокой чувствующей искусством московской преподавательницы. Девушки-дегитикассницы в процессе повторения курса вернулись к лирике Пушкина, которую они изучали в 8-м классе. Девушки, казалось, искренне и горячо любят великого поэта. И все же методические приемы учебника Пospelova и Шабловского оказались до того «взвешенными», что даже теперь, через два года после первого знакомства с этим учебником, лучшей из учениц, говоря о мотивах лирики Пушкина, спешила прежде всего сообщить, что «основные мотивы лирики имеется пять». Далее последовала продолжительная пауза, так как сами мотивы были позабыты, а ничего не говорящая цифра «пять» никак не помогла их вспомнить.

Под впечатлением этого урока мы обратились к тексту учебника для восьмого класса. И увидели, что бухгалтерские подсчеты — один из излюбленных методов, с помощью которых авторы этой странной книги пытаются анализировать художественные произведения. «Разбить на три части», «пять мотивов лирики», «всеми лирическими отступлениями в «Евгении Онегине» — именно этим пестрят страницы учебника.

Склонность к мертвой схеме, которой подчиняется живое слово писателя, — это большая и, к сожалению, распространенная порок учебников и методических пособий.

Надо сказать, что учебники и учебные пособия по литературе отражают в какой-то мере и состояние самой науки литературоведения. И очень жаль, что учебники эти находятся обычно вне поля зрения широкой и нелицеприятной общественной критики.

3. В газетной статье невозможно рассмотреть во всех деталях, наряду с другими вопросами, действующие школьные программы и тут же преподать рецепты их исправления. Полезно, однако, напомнить то главное, что особенно тревожит преподавателей литературы и писателей.

Действующим программам по курсу литературы свойственны весьма существенные недостатки, в том числе в известной мере и те, на которые Центральный Комитет нашей партии указывал еще двадцать лет назад. Программы старых классов средней школы перегружены учебным материалом. До сих пор не решен вопрос об узком разрыве между курсом литературы и курсом истории. В курсе литературного чтения 5—6-х классов отсутствует историческая последовательность. Указания школьной программы, касающиеся вопросов социалистической эстетики, никак не развиты и поэтому практически не помогают учителям.

Сейчас при Министерстве просвещения РСФСР работает Государственная комиссия по пересмотру школьных программ. Эта комиссия должна внимательно учесть мнение педагогов, писателей, родителей и подвергнуть свои проекты предварительному и широкому обсуждению.

Недостатки программ усугубляются недостатками методической помощи. Учитель нуждается в серьезной творческой поддержке — целенаправленной, помогающей усилить воспитательное значение преподавания литературы. Между тем некоторые методисты обнаруживают недостаточное понимание высокой и ответственной роли литературы, как явления и как школьного предмета, а отныне преподавателей литературы все еще крайне редко изучают и общаются. Не случайно организаторы недавно прошедших в Академии педагогических наук «педагогических чтений», сумев выдвинуть на всесоюзный трибунал сотни интереснейших докладов, не включили в программу «чтений» ни одного доклада, непосредственно касающегося вопроса преподавания литературы.

Решающая причина множества недочетов преподавания литературы заключается в отборе, подготовке и воспитании учителей. «Задача нашей социальной педагогики, — писал Горький, — воспитать мастера, а не чернорабочих культуры, как в прошлом воспитывали и обучали детей рабочего класса, воспитать не рабов дилетантского дела, а свободных творцов и художников». Горький подчеркивал необходимость «особенно строго и тщательно отбирать... людей, способных к деятельности педагогической». Основным качеством таких людей, — писал он, — должна быть прежде всего любовь к детям, затем — широкое образование».

Личность учителя литературы, его взгляды, его эмоциональная восприимчивость и прежде всего его культурный кругозор и знания имеют решающее значение. Необходимо в этой связи обратить особое внимание на профессиональную и общекультурную подготовку преподавателей литературы и литературного чтения. Проявления формализма и вульгарного социологизаторства в школьном преподавании литературы, а отсюда слабость воспитательного воздействия этого преподавания — в известной мере результат подобной же пороков, которыми страдает преподавание литературы в педагогических вузах и училищах.

Эта статья не может исчерпать все вопросы, связанные с преподаванием литературы в школе. Цель ее — привлечь внимание к наиболее важным из этих вопросов. Думаем, что писатели, которым дорого художественное творчество; литераторы, которые внимательно следят за развитием литературного процесса; педагоги, которые воспитывают на литературе целые поколения; ученые-методисты, которые помогают педагогам выполнять эту их благородную миссию, — все заинтересованы в том, чтобы усилить воспитательную роль преподавания литературы в школе, чтобы сделать курс «художественного человеческого чтения», которым является, по сути дела, школьный курс литературы, еще более активным и действенным орудием коммунистического воспитания.

Слово — за нами.

В опубликованной недавно статье «Балет и действительность» («Лит. газета» от 24 апреля 1952 г.) Игорь Моисеев правильно поставил волнующий каждого из нас, деятелей советской хореографии, вопрос о создании балетов на современную тему. Верно пишет он о необходимости широкого использования богатств народного танца в современных балетах. Наконец, нельзя не согласиться с тем, что в балете Большого театра ощущается некоторый застой, что балет наш отстает от бурно развивающейся действительности.

Верные положения статьи заслуживают самой горячей поддержки. Но наряду с ними есть в статье и утверждения, которые кажутся мне ошибочными и о которых я хочу сказать в порядке обсуждения вопросов балетного искусства.

Считаю, что И. Моисеев незаслуженно приписал успехи советского балетного искусства, далеко не достаточно сказав о том, что сделал наш балетный театр.

Новым, качественно отличающимся советский балет от дореволюционного придворного балета, явилось сознание целого ряда балетов-пес в отличие от бездумных балетов-дивертисментов, характерных для дореволюционного императорского балета. Идейность, содержательность, выразительность наших еще воплощенные в лучших советских балетах. В них занято все место действительный танец, способный выразить человеческие мысли, чувства и поступки. Новое содержание определило и новую форму его воплощения — новый, выразительный хореографический язык.

В чем заключается это новое? Прежде всего в демократизация танцевального языка путем оплодотворения классического балета народным танцем; в расширении и обогащении средств художественной выразительности танца — его движений, жестов и поз, т. е. его лексикой; в реализме и осмысленности танцевальной речи.

Моисеев ошибается, рассматривая форму современного танца в отрыве от его содержания, ничего не сказав и о драматургии и музыке в балетном спектакле, а без этого нельзя говорить о балете.

Как создается балетный спектакль? Процесс создания балетного произведения состоит из пяти звеньев единой неразрывной цепи, органически связанных между собой. Первое звено — это замысел, идея будущего произведения, воплощенная в конкретном сюжете и изложенная в литературной форме — программе (или, как чаще принято говорить, в либретто). Второе звено — подробная разработка композиционного плана будущего балета балетмейстером (на основе программы) для композитора, с точным указанием места, времени и характера действия, размера, хронометража. (Таковы, например, композиционные планы М. Петина по балету «Спящая красавица» для Л. Чайковского.) Третье звено — это процесс сочинения музыки композитором на основе композиционного плана. Четвертое звено — сочинение балетмейстером самого существа балета: его «тонста» — танцев и сцен на основе балетной музыки. И, наконец, пятое звено — постановка сочиненного балета.

Драматургия будущего балета, заложенная в программе, должна найти свое воплощение в музыке и хореографии балета. Для этого надо, чтобы композитор имел способность создавать музыкальную драматургию, сочинять программную музыку, а балетмейстер умел бы создавать драматургию хореографическую. Таким образом, в балете мы имеем дело с тремя драматургами: автором сюжета, автором музыки и автором хореографии.

Вот почему неверна формулировка И. Моисеева: «Балетмейстер — это режиссер, миссиями хореографическая». Балетмейстер и режиссер — это разные профессии. Режиссер драмы или оперы, ставя спектакль, имеет дело с готовым текстом, балетмейстер же сам сочиняет «текст» балета, а затем уже его ставит. Поэтому правильнее было бы сказать: балетмейстер — это сочинитель балета, мыслитель хореографическими образами.

Ничего не говоря о ведущем значении драматургии и программной музыки, И. Моисеев сам не замечает, как толкает нас на путь создания балетов-дивертисментов, забывая, что балет — это жанр театальный, а не концертно-эстрадный, и имеет собственные непреложные законы.

И. Моисеев неправ, наивно отказывая балету прошлого в народности. Так, например, он утверждает: «За всю историю русского балета единственным балетом на рус-

скую тему был «Конец Горбунку». Но и он, поставленный в 1865 году французским балетмейстером Сен-Леонам на музыку итальянца Пуньи, был, естественно, псевдонароден. Этот импортно-русский балет продолжался в нетроутом виде до наших дней». Автор допускает здесь целый ряд ошибок. Еще в начале XIX века были сочинены балеты «Деревня на берегу Волги», «Подмосковные девушки», «Гуляние в Марьиной роще», «Казак в Лондоне», «Ночь под Ивану Кулака» и т. д., что, несомненно, указывает на постоянное стремление русского балета к народности, начавшееся еще в крепостном балете. Следует напомнить, что «Конец Горбунку» был в свое время переработан Горским, который внес в него русский народный танец.

Прогрессивные деятели русского балета всегда стремились к народности и реализму. Другое дело, что царский двор в своем высокопоставленном перекладывании национальной достоянием и убеждения русских мастеров, требуя от балета пышной зрелищности и официальной парадности, в течение всей истории русского балета шла борьба прогрессивного искусства с реакционными, и наряду с периодами расцвета были и периоды застоя.

Советские балетмейстеры в своем творчестве обращаются к народному танцу. Грузинский танец лег в основу балетов «Сердце горы», «Сиянлет» и «Горда», белорусский — балета «Вязь-озеро», таджикский — балета «Дейли и Меджнун», латвийский — балета «Сакта свободы». На материале русского народного танца сочинены балеты «Барышня-крестянка», «Юности» и т. д. И. Моисеев же в своей статье восклицает: «Если бы богатства народной хореографии влияли в классический балет, его выразительные возможности стали бы безгранично шире». Виделись они, — и притом давно, — и в этом-то заключается одно из главных достижений советского балета. Другое дело, что народный танец должен войти в балетный театр значительно шире и еще больше оплодотворить собой танец классический.

Далее И. Моисеев пишет: «Наш репертуар отстает от жизни, что он лишен разнообразия жанров... Пора обогатить палитру балета всеми красками имеющихся жанров, а не сводить его к без толку бедный репертуар к одному знаменателю». За годы своего существования именно советский балет создал множество разнообразнейших жанров: народно-героические балеты «Пламя Парижа», «Гарас Бучба», «Лауренсия», трагедии «Ромео и Джульетта», «Лейли и Меджнун», хореографическую поэму «Бахчисарайский фонтан», лирико-романтический балет «Сердце горы», комедии «Минный жених», «Барышня-крестянка», сказку-феерию «Золушка» и т. д. и т. п.

Однако, несмотря на безусловные успехи советского балета, мы еще слишком мало сделали для создания полноценных произведений на современную тему, а это наша основная задача. Готовы ли мы к ее решению? Конечно. Что же нужно сделать для этого? Прежде всего нужно, чтобы писатели-драматурги, специалисты своего дела, а не случайные люди, пришли балету на помощь и привнесли нам профессиональную драматургию в виде новых современных сюжетов.

Нужно, чтобы композиторы научились воплощать идею, драматургию балета в программной симфонической музыке, как этому учат Глинка и Чайковский и как этому добились в своих балетах Глиер, Асафьев, Прокофьев.

Нужно, чтобы балетмейстеры — сочинители новых современных балетов — прежде всего ставили перед собой задачу воплощения содержания, раскрытия музыкальных образов в действительных танцах и сценах балета. Там, где такая задача не ставится, мы являемся свидетелями показа танцевальных упражнений ради самих упражнений, то есть толого формализма.

Творческие дискуссии нам совершенно необходимы. Недавно в Большом театре открылся дискуссионный клуб, где началось обсуждение некоторых насущных вопросов балетного искусства.

Нужно чаще освещать жизнь балетного искусства в периодической печати. Своей иллюстрированным журналом «Советский балет» нам также совершенно необходим.

Но прежде всего нам непременно следует собраться на Всесоюзной конференции по хореографии и дать возможность деятелям балета высказаться по волнующим всех нас вопросам и наметить верную программу нашей творческой работы.

Великий русский живописец

(к 100-летию со дня смерти К. П. Брюллова)

«В его картинах целое море блеска... Тени его резки, сильны; но в общей массе тонут и исчезают в свете. Они у него, так же как в природе, незаметны. Кисть его можно назвать сверхающей, прозрачно. Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его».

Эти слова принадлежат великому русскому писателю Н. В. Гоголю и прекрасно характеризуют творчество замечательного русского художника К. П. Брюллова.

Брюллов окончил Академию художеств, а затем ряд лет прожил в Италии, создавая там такие работы, как «Итальянское утро», «Итальянский полдень», «Вирсавия», «Всадница».

В 1833 году Брюллов открыл для публики двери своей мастерской. Его новая картина «Последний день Помпеи» поразила посетителей. Слава о художнике облетела весь мир.

Чем же замечательно это полотно? Брюллов изобразил мечущую толпу, как бы ослепленную ударами грома, ослепленную молниями, порывающими небо. Земля колеблется, падает здания.

Нельзя до того глубокою психологическую характеристику дает живописец каждой человеческой фигуре. Он показывает, какие разнообразные чувства владеют людьми в момент этой катастрофы: ярость, обреченную к несчастью, и отчаяние, волнение за погибавших близких, и любовь к ним...

Горький писал: «Картина Брюллова одно из ярых явлений XIX века... Картина Брюллова может называться полным, всемирным созданием». А Герцен справедливо усмотрел в изображении людей, которые «падают жертвами дисков тучей, петровый салют...» вдохновение, навеянное петербургской атмосферой, художественное отображение жестокой николаевской реакции.

В 1836 году Брюллов возвратился из Италии в Россию. Он участвует в росписи

Исакиевского собора, создает ряд первоклассных портретов современников. Особую ценность представляют его портреты писателей В. А. Жуковского, И. А. Крылова, Н. В. Кукольника.

Широкая популярность пользуется также картина Брюллова «Бахчисарайский фонтан», творчески переработанная с поэмой Пушкина того же названия.

Художник оставил также незавершенные работы, свидетельствующие о его живом интересе к истории Родины. Таковы эскизы картины «Осада Пскова от войск короля Стефана Батория».

Интересна и своеобразна графика Брюллова. Но если живописец художник являлся предметом страстных творческих споров в продолжение десятилетий, то графика оставалась забытой. Только труды советских искусствоведов пролили свет на эту неизученную область истории нашего искусства. Графические работы Брюллова, такие, например, как рисунки из жизни итальянских рыбаков и некоторые портреты, не менее совершенны, чем живопись. Горький творческий темперамент художника, его быстрый, правый и глубокий отклик на все волнующие события, искренность, большая жизнеспособность, сила — ценнейшие качества Брюллова-графика.

Богатый опыт блестящего мастера должны изучать наши молодые советские художники. Они должны помнить замечательное высказывание о Брюллове А. А. Жданова, назвавшего этого художника среди великих мастеров отечественного искусства.

П. КОТОВ, действительный член Академии художеств СССР

Дин ЛИН,  
китайский писатель,  
лауреат Сталинской премии

# ВЕСНА КИТАЯ

В один из весенних дней 1952 года, когда теплые солнечные лучи падали на землю и тихо таяла снег, я широкими шагами бродил по площадям Москвы, оспушая высокую культуру Советского Союза, занатого мирным строительством, — одна тема вошла в мою жизнь. Ясная и красная, как яркие солнечные лучи, она запечатлена в моем мозгу: «Весна Китая».

Весна Китая! Китай! — разве это слово не говорит о весне? Думая о Китае, ты представляешь себе новое, свежее, зарождающееся и бурно растущее под ярким, прекрасным солнцем и теплым ласковым ветром, и посылу чувствуешь его непреодолимую силу. Эта сила победоно гоголевской русской тройке, которую нельзя обогнать: «Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади».

Китай! Весенний Китай! Весенняя тебя, твою сегодня, я невольно вспоминаю твою весну, как суровую зиму.

Тебе так тяжело доставался каждый шаг твоего длинного исторического пути. Ты свергнула феодальный режим нескольких тысячелетий, уничтожила на своей земле проклятых феодалов и империалистических захватчиков, и 500 миллионов человек свободно вдохнули. Ты развила прекрасные традиционные качества китайского народа — трудолюбие и мужество.

Китай вырос в борьбе, он борется и сейчас для достижения своего идеала. Он побеждает все силы, препятствующие ему идти вперед.

Вспомним старые времена — эпоху Гоголя, Толстого, Шевченко, детства Горького. Я родился в Китае в первом десятилетии XX века. Над Россией в то время реял буревестник революции, руководимый Лениным и Сталиным.

Но та деревня, в которой я родился, чем отличалась она от деревень в повестях Гоголя и стихотворениях Шевченко? И, как и многие мои сверстники, вскоре всем сердцем полюбил: «Все старое надо разорвать, все цепь надо разорвать, все пути надо порвать — ради света, ради родины...»

В те дни я была подобна мотыльку, беспорядочно кружащемуся в тьме в поисках света. А иногда я, как старая женщина, рыдала, уткнувшись лицом в сырую землю. Мне казалось, что я вынесу гнета той эпохи. В знаменитом Ханчжоу, восстем поэтима, я, одинокая и бесцельная, часто уходила в горы, чтобы развезть тоску. Я даже не видела, какая красота расстилалась передо мною. В старом Пекине я бродила по улицам, жадно глотала книги и все надеялась найти выход из тупика «западной» цивилизации...

Не хочется подробно вспоминать то печальное время. Зато никогда не устану я радоваться тому, что именно в то пору я постепенно отыскала свое призвание, нашла истину, пошла вместе с народом и стала простым солдатом любимого вождя Мао Цзэ-дуна.

Я, как и многие молодые люди, бросилась в огонь революционной борьбы. Мы увлеклись дорогой к свету, гордо подымаем флаги революции и заели: «Вставай, проклятый заклейменный!» Мы уже не бесцельно бродили по улицам, а стройными рядами шли в наступление на реакцию.

Мы под руководством Мао Цзэ-дуна начали новую жизнь. Много было трудностей на нашем пути, но мы преодолели их и вышли на широкую дорогу, озаренную великой идеей светлого будущего. У нас есть учение марксизма-ленинизма, с нами Сталин, с нами Мао Цзэ-дун!

Мао Цзэ-дун повел китайский народ на революционную борьбу. Тяжелым был путь к первой победе, мы добились ее в 1926 году. Но шаньши! Не могли больше спокойно спать. Они дрожали и волновались. Революционеры предали дело революции, предали завоевания народа. Разве мы можем забыть это кровавое предательство в 1927 году? Повсюду нас ожидали аресты и убийства, везде нас преследовал белый террор.

Но председатель Мао высоко поднял красное знамя на Цзинганшане<sup>1</sup> и озарил сердца людей; он стал маяком среди темной ночи, показывающим дорогу революцион; он вдохнул людей на борьбу и вселял в них надежду и веру. Подобно степному пожару, вторая гражданская революционная война охватила многие провинции Китая. Собирались революционные силы, накапливался революционный опыт. И с какой гордостью жители этих районов рассказывают о своем прошлом, с какими благоговением смотрят на эту святую землю революции все народ!

Никогда не будет забыт народом и всегда будет воспеваться поэтима Великий поход в 25.000 ли<sup>2</sup>. Железная Красная армия из провинции Цзяси перекинулась по скользким горным тропинкам, через бурные потоки и покрытые вечным снегом хребты, где не растут травы и не летают птицы, через бескрайние непроходимые болота — в провинцию Шаньси. Впереди у нее были вражеские заслоны, сзади — погоня, слева — реакционеры, справа — помещичьи вооруженные банды. Но не было таких сил, которые смогли бы преградить путь этому «железному потоку». Красная армия совершила чудеса на каждом шагу. Ее бойцы всегда думали о Мао Цзэ-дуна. Он был среди них. Луной ночью в степи, вспоминая свою деревенскую песню, солдат отгонял от себя сон. Блестящей его мыслью было — защитить революцию все народ!

В прошлом, во время господства японских захватчиков и гоминдановских бандитов, я жила в голоде и холоде, погвергалась унижениями и оскорблениями. Мой муж был рикшей. Как-то он упал и сломал себе ногу. У нас не было денег на лечение. Мой сын продавал лед, он возил на себе груз, но его заработка хватало даже на самую скудную пищу для семьи. Дети плакали от голода. После родов в течение двух дней я не могла получить даже чашки супа. И я, потеряв сознание, упала в канаву.

Как живут теперь трудовые люди? Я продолжала:

— После освобождения все изменилось. Мы теперь сыты, в тепле и не знаем уныния. Двое моих сыновей получили работу на заводе.

Эта женщина, участвуя в подавлении контрреволюции, задержала шпиона. Она передовую ее прославляет. Она отвечает на это:

— Я всего лишь выполнила свой долг. А как горячо народ меня приветствует! Мне преподнесли много подарков, меня приглашают выступать, обо мне напечатана в газете. И сердце мое наполняет невыразимая радость. Я не могу заснуть.

Эта женщина, участвуя в подавлении контрреволюции, задержала шпиона. Она передовую ее прославляет. Она отвечает на это:

Десятки тысяч рек текут, И тысячи гор встают на пути, Но армиям нашим не страшен труд — Им надо в Далекий Поход идти. Как барханы, были нам Пять Хребтов, Как валун, была нам гора Умэн, Мы пришли туда, где Цзиньша поток Волны мчит свои меж скалистых стен. И снова Далекий Поход не прост — Прибрежные скалы и валуны, Через реку Даду перекинут мост, И железные цепи его холодуны.

А потом — Миньшань<sup>3</sup>, и на тысячи ли Снега и гор ледяной вениц, Три армии наши сюда пришли И все улыбаются, наконец.

Центр китайской революции переместился в Шаньси. Председатель Мао находится в Яньани. Этот маленький захолустьи горный городок стал одним из известнейших в мире. Здесь находился единый фронт антиимпериалистической войны, здесь ковалась победа, расширялись и укреплялись революционные силы, здесь организовывалось изучение марксизма-ленинизма.

О, Яньань! Сколько ты вырастил кадров. Сколько людей перестроило свою идеологию под твоим влиянием. В одном из твоих залов до сих пор еще висит лозунг, написанный рукой председателя Мао: «Основываясь на конкретной действительности, добиваться успехов в работе!»

Все, кто жил в Яньане, считали его своей родиной, единственной родиной, с сожалею вспоминали его и всегда будут вспоминать о нем.

Жители Северной Шаньси очень музыкальны. Они еще больше полюбили песни с тех пор, как к ним пришла Народная армия. Старый крестьянин Сунь Вань-бу, увидев Мао Цзэ-дуна, сложил много стихов. (Одна из его песен распространялась на двадцать с лишним провинций Китая: Солнце в освобожденном районе красное-красное — Наш вождь — Мао Цзэ-дун!

Крестьянин Ли Цан-чжан сложил песню, слова которой в сердце каждого китайца:

Заря на востоке, солнце восходит — В Китае явился Мао Цзэ-дун. Он дал народу счастье, Он — звезда спасения народа!

Эта песня я слышала в Москве, слышала в Сталинграде, слышала также и в столице Грузии — Тбилиси. Советские друзья! Представьте себе, какое волнующее чувство я испытала, услышав у вас эту народную песню Северной Шаньси!

...Победоносно закончилась война против японских агрессоров. Победоносно закончилась и народно-освободительная война в Китае. Председатель Мао велел нас от победы к победе. Родился новый Китай. На востоке мира заалела утренняя заря. Все миролюбивые люди земного шара восторженно встретили ее восход. Освобождение Китая укрепило международный лагерь мира. Вместе с Советским Союзом, с товарищем Сталиным новый Китай стал защитником мира.

В тот день, первого октября 1949 года, весь китайский народ видел председателя Мао, слышала его голос, прозвучавший на площадях Тяньаньмэнь над Пекином, и весь Китай, по всему миру. Он провозгласил рождение нового Китая, создание нового правительства. Пришла весна, весна Китая!

В весеннем Китае жизнь народа стала другой. В городе Тяньцзинь живет пожилая женщина Яо. Она говорит:

— В прошлом, во время господства японских захватчиков и гоминдановских бандитов, я жила в голоде и холоде, погвергалась унижениями и оскорблениями. Мой муж был рикшей. Как-то он упал и сломал себе ногу. У нас не было денег на лечение. Мой сын продавал лед, он возил на себе груз, но его заработка хватало даже на самую скудную пищу для семьи. Дети плакали от голода. После родов в течение двух дней я не могла получить даже чашки супа. И я, потеряв сознание, упала в канаву.

Как живут теперь трудовые люди? Я продолжала:

— После освобождения все изменилось. Мы теперь сыты, в тепле и не знаем уныния. Двое моих сыновей получили работу на заводе.

Эта женщина, участвуя в подавлении контрреволюции, задержала шпиона. Она передовую ее прославляет. Она отвечает на это:

— Я всего лишь выполнила свой долг. А как горячо народ меня приветствует! Мне преподнесли много подарков, меня приглашают выступать, обо мне напечатана в газете. И сердце мое наполняет невыразимая радость. Я не могу заснуть.

Эта женщина, участвуя в подавлении контрреволюции, задержала шпиона. Она передовую ее прославляет. Она отвечает на это:

— Я всего лишь выполнила свой долг. А как горячо народ меня приветствует! Мне преподнесли много подарков, меня приглашают выступать, обо мне напечатана в газете. И сердце мое наполняет невыразимая радость. Я не могу заснуть.

Эта женщина, участвуя в подавлении контрреволюции, задержала шпиона. Она передовую ее прославляет. Она отвечает на это:

— Я всего лишь выполнила свой долг. А как горячо народ меня приветствует! Мне преподнесли много подарков, меня приглашают выступать, обо мне напечатана в газете. И сердце мое наполняет невыразимая радость. Я не могу заснуть.

думаю: «Может быть, это все сон? Разве мог когда-нибудь раньше простой трудовой человек мечтать о таком отношении к себе, о таком светлом дне?» — Я охватывает команду. Среди разлетевшихся по стенам подарков и шелковых флажков она находит портрет председателя Мао и горячо восклицает: — И это все наяву! Ведь все, что я имею сегодня, — все принесено, председателю Мао, и коммунистической партии! Жизнь народа улучшилась.

Освобожденный от гнета рабочий класс, ставший руководящим классом в стране, уверенно идет вперед. Рождается новое отношение к труду, развивается трудовое соревнование, шире раскрывается творческая инициатива. Ряды отличников труда растут, как побеги бамбука после весеннего дождя. В этой статье невозможно описать их достижения и перечислить их славы имена. Они поступают в рабочие школы, в Народный университет и Центральный литературный институт, они печатаются в газетах «Жэньминьжао» и «Гунжэньжао», в литературных журналах «Вэньбао» и «Жэньминьвэньбао». В своих дворцах культуры они ставят пьесы, которые сами пишут.

По-новому зажила деревня. Даже семидесятилетние старики каждый день ходят в школу ликбеза, не желая отставать от молодежи. Газета «Дачжунбао» в провинции Хунань открыла на своих страницах обсуждение вопросов аграрной реформы и увеличения выпуска сельскохозяйственной продукции. Около тысячи крестьян участвует в этом обсуждении.

Отличник труда в сельском хозяйстве провинции Шаньси Ли Шунь-да, инициатор движения за кооперативную обработку земли, в июле 1951 года обратился с письмом к председателю Мао. Он сообщил, что ему, простому крестьянину, стали ясны сила смычки между городом и деревней, руководящая роль рабочего класса. Он понял, что надо интересоваться политикой, учиться марксизму-ленинизму.

Теперь в деревне в большом количестве применяются новые сельскохозяйственные орудия, новая агротехника. Крестьяне постепенно переходят к производственной сельскохозяйственной кооперации. И есть уже в степи Северной Маньчжурии, на берегу реки Сунгари, такое коллективное хозяйство, где каждый трудится по способностям и получает по труду...

Новые просторные железнодорожные вагоны мчатся по все концам страны. Пассажиры слушают музыку и читают. За окнами расстилаются необычайно прекрасные плодородные поля. По призыву Мао Цзэ-дуна три миллиона человек покоряют реку Луайба.

Люди больше меняют свой облик. Растут их патриотизм и интернационализм. Все поднялось на защиту мира. Движение против американской агрессии и за оказание помощи Корею охватило всю страну. Молодежь уходит на фронт, старики собирают подписи в защиту мира...

Наш народные добровольцы плечом к плечу с корейской Народной армией стойко защищают мир, несмотря на ожесточенные бомбардировки американских империалистов и применение ими бактериологического оружия, возмущившее народы всего мира.

Зеленая гора сожжена. Обугленная, она становится желтой от бомбежек. Земля меняет свой цвет. Но алое знамя попрежнему высоко реет над позициями. В самые тяжелые дни добровольцы прикрепляют в окопе открытки из письма к родным и дают клятву: «Родина! Ради тебя будем биться до победы».

В Китае все, от мала до велика, безгранично любит наших добровольцев. Они — народные бойцы, защитники мира, всегда первые своему священной долгу.

Китай победил. Над ним светит весеннее солнце. Он шагает по широкой дороге, покрытой цветами. «Будь выше вою, не забывай о человеке, вырастившем колодезь», — говорит народная мудрость. Кто привел нас к этим светлым дням? Народная песня отвечает: это мудрость Мао Цзэ-дуна, коммунистическая партия, гений Сталина, помощь народов Советского Союза.

Вечная и нерушимая дружба народов Китая и СССР стала гарантией мира во всем мире.

Китай победил! Над ним светит весеннее солнце. Он шагает по широкой дороге, покрытой цветами. Но председатель Мао Цзэ-дун учит нас: это лишь первые шаги на большом пути. Для того, чтобы закрепить наши завоевания и добиться еще больших побед, нужно продолжать борьбу.

Китайский народ под водительством председателя Мао придет к социализму и коммунизму.

Вместе с китайским народом, перевалив одну за другой все горные вершины, перейдя один за другим все бурные потоки, я пришла в это счастливое время.

Я люблю мой покоренный народ. Воспитанный Мао Цзэ-дунем, он стал еще прекраснее. Я вижу наших женщин, скрывающих свои феодальные гнет и всюду работающих наравне с мужчинами. Я вижу наших детей, которые носят красивые галстуки, обогащаются все новыми знаниями. Я вижу, что наши старики помолодели и с надеждой смотрят на мир. Я вижу, как в процессе труда перевоплощаются люди. Мы больше не носим ломоть, наши бледные лица порозовели.

Какими прекрасными и энергичными стали китайцы! Я вижу и всюду вижу солнечные лучи, я вижу и всюду чувствую дыхание жизни, силу и радость ее, слышу быстрые песни.

Хотя в моем влесам уже тихо подкралась седина, но я чувствую, что жизнь как будто только начинается. Я, как Китай и как весь китайский народ, полна кипучей силой. Мои сердце наполнено поэзией, и я мечтаю о том, чтобы весенний Китай отразился и рос в моем творчестве.

ПЕКИН

## АМЕРИКАНЕЦ ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ...

Бессмысленной войной, ненужным кровопролитием называет большинство американцев агрессивную корейскую авантюру Трумэна. Всеми средствами американский народ старается выразить протест против продолжения этой самой непопулярной войны, какую когда-либо вела США. Простые люди проводят сбор подписей под петициями, почтовыми открытками и телеграммами, адресованными Белому дому и требующими установления мира в Коре. К настоящему времени таких подписей собрано уже более полутора миллиона. По решению Национальной конференции «Поход американцев за мир», в США развернулась сейчас услащенная кампания в пользу заключения мира в Коре. Американцы возмущаются своему президенту медали, которыми правительством награждает посмертно их сыновей, убитых в Коре. Они требуют прекращения войны в письмах конгрессу, правительственным органам, редакциям газет.

Только ничтожная часть таких писем появляется на страницах американской буржуазной прессы. Да и то разве лишь в газетах, поддерживающих республиканскую партию, которая из предвыборных соображений считает не лишним иногда предоставить трибуну простому американскому гражданину. Желая привлечь на свою сторону избирателей, республиканская партия использует то же средство политикой Трумэна, которое существует в стране, особенно в отношении войны в Коре. Это не значит, что, придя к власти, республиканцы станут проводить иную политику. Разумеется, нет. Но, пока идет избирательная кампания, они готовы демагогически поочувствовать требованиям народа.

Этим и только этим объясняется факт опубликования республиканской газетой «Чикаго трибун» (в номере от 18 февраля 1952 года) письма читателя, которое мы приводим полностью:

«**ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ**  
Форт Додж, штат Айова, 4 февраля. — Как долго мы намерены вести эту бессмысленную войну в Коре? Неужели мы будем и впредь посылать туда наших сыновей на страдания и смерть только потому, что этого хочет один человек, президент Трумэн? Когда мы пришли в Европу и в Японию, мы повесили там некоторых поджигателей войны и военных преступников. Почему бы не повесить нескольких наших собственных поджигателей и проповедников войны и показать остальному миру, что мы претворяем в дело наши слова?»

К. У. ХЕЙТНЕР.

Редакция газеты «Чикаго трибун», видимо, расценила письмо лишь как острую шпильку в адрес Трумэна. В действительности оно имеет гораздо более глубокий смысл. Это короткое письмо свидетельствует об огромном гнев, который все больше охватывает американский народ, — гнев против поджигателей и зачинщиков войн, против империалистов, ведущих страну по пути кровавых авантур.

Грязная рука американского «правосудия» занесена над очередной жертвой. Торжественное заключение угрожает В. Дж. Джерому — американскому публицисту, редактору прогрессивного журнала «Политикал афферс», неустойчивому борцу за мир.

В чем же состоит «преступление» Джерома? За что американский суд намеревается упрятать его за тюремные решетки и лишить возможности говорить с народом США?

Главным объектом обвинения против Джерома является его статья «Б оладеющему оружию культуры», опубликованная в журнале «Политикал афферс» в феврале прошлого года. Как автор этой статьи, Джером вместе с другими деятелями компартии США в июне 1951 года был привлечен к суду на основании пресловутого закона Смита. Уже почти год тянется разбирательство этого дела. В конце апреля обвиняемые предстали перед присяжными судьями Медина.

В своей статье В. Дж. Джером убедительно показывает, как американские поджигатели войны превращают литературу, кино, театр в средство раздувания военной истерии и насажения фашистской идеологии. Вместе с тем писатель ясно очерчивает круг задач, стоящих перед передовыми деятелями американской культуры, призывая их служить своим талантом делу мира и прогресса.

Джером отмечает как характерную черту нынешних вашигтонских политиков — их лицемерие и склонность к оглушающей демагогии. Американские правящие деятели в своих выступлениях широко применяют своеобразный шифр, при помощи которого в любое слово вкладывается обратный, противоположный ему смысл. С ханжеским умилением произносятся слова «разоружение», «человеколюбие», «любовь вашигтонской политики претерпела понимание, что посвященные в тайну шифра без труда догадываются, что именно хотел он сказать».

«Четыре воинствующего империализма и англо-саксонского расизма, злобной антисемитской и антикоммунистической пропаганды, ласания, сализма и антикоммунизма, — пишет Джером, — выявляются сегодня все яснее и все более откровенно связаны с подготовкой войны и фашизацией Америки. В то же время они все более тщательно маскируются покровом демагогии: «демократия», «агрессия» — «защитой свободы», а путь к фашизму — «американским образом жизни».

Глубокой верой в силу сопротивления, в победу дела мира проникнута вторая часть статьи, анализирующая новый этап борьбы за мир в США, когда, по выражению одного из руководителей американской компартии Гесса Холла, «я движение пришли новые слои народа, ломается старый образ мышления».

Обращаясь к прогрессивным американцам Гарольд Медина — американский федеральный судья — один из организаторов прогрессивного процесса под руководством коммунистов США, за напад на нарушение всех юридических норм в ведении процесса Медина получил повышение по службе. (Ред.)

## Янки, убирайтесь!



Эти рисунки сделаны с натуры английским художником Полом Хогартом. Они рассказывают об оккупации Великобританией американскими солдатами, об отношении английских трудящихся к незваным пришельцам из-за океана.

Американская оккупация Англии продолжает расширяться с каждым днем. На Британские острова прибывают все новые солдаты и офицеры вооруженных сил Соединенных Штатов. Печать сообщает о предстоящем увеличении численности войск США, находящихся в Великобритании, на 75 процентов. Лондонская газета «Дейли уоркер» пишет, что «к концу лета американцы намерены занять 38 военно-воздушных баз в Англии». Таким образом, тема этих зарисовок прогрессивного художника — самая злободневная для английского народа тема.

На первом рисунке изображена демонстрация английских рабочих в защиту мира. Ее участники несут плакаты с надписями: «Янки, убирайтесь домой!», «Мы хотим мира!», «Никаких баз для бомбардировщиков!». Выделяется крупная надпись на большом транспаранте: «Мы требуем заключения Пакта Мира между пятью великими державами!».

С ненавистью и страхом смотрят американские военные полицейские — наглые молодчики с физиономиями зарисованных гангстеров — на демонстрантов, признающих к миру, на эти плакаты, предлагающие оккупантам-янки убраться восвояси.

Следующая зарисовка. Два простых англичанина возмущенно осуждают наглые выходы распоясавшихся американских оккупантов, чувствующих себя в Англии полноправными хозяевами.

И, наконец, на четвертом рисунке художник запечатлел картину, характерную не только для Англии, но и для других маршаллизованных стран Западной Европы, — стелю, на которой сторонники мира написали изю дня в день повторяемые миллионными людями слова-требование: «Янки, убирайтесь домой!».



Рисунки английского художника ПОЛА ХОГАРТА

## „Преступление“ Виктора Дж. Джерома

Грязная рука американского «правосудия» занесена над очередной жертвой. Торжественное заключение угрожает В. Дж. Джерому — американскому публицисту, редактору прогрессивного журнала «Политикал афферс», неустойчивому борцу за мир.

В чем же состоит «преступление» Джерома? За что американский суд намеревается упрятать его за тюремные решетки и лишить возможности говорить с народом США?

Главным объектом обвинения против Джерома является его статья «Б оладеющему оружию культуры», опубликованная в журнале «Политикал афферс» в феврале прошлого года. Как автор этой статьи, Джером вместе с другими деятелями компартии США в июне 1951 года был привлечен к суду на основании пресловутого закона Смита. Уже почти год тянется разбирательство этого дела. В конце апреля обвиняемые предстали перед присяжными судьями Медина.

В своей статье В. Дж. Джером убедительно показывает, как американские поджигатели войны превращают литературу, кино, театр в средство раздувания военной истерии и насажения фашистской идеологии. Вместе с тем писатель ясно очерчивает круг задач, стоящих перед передовыми деятелями американской культуры, призывая их служить своим талантом делу мира и прогресса.

Джером отмечает как характерную черту нынешних вашигтонских политиков — их лицемерие и склонность к оглушающей демагогии. Американские правящие деятели в своих выступлениях широко применяют своеобразный шифр, при помощи которого в любое слово вкладывается обратный, противоположный ему смысл. С ханжеским умилением произносятся слова «разоружение», «человеколюбие», «любовь вашигтонской политики претерпела понимание, что посвященные в тайну шифра без труда догадываются, что именно хотел он сказать».

«Четыре воинствующего империализма и англо-саксонского расизма, злобной антисемитской и антикоммунистической пропаганды, ласания, сализма и антикоммунизма, — пишет Джером, — выявляются сегодня все яснее и все более откровенно связаны с подготовкой войны и фашизацией Америки. В то же время они все более тщательно маскируются покровом демагогии: «демократия», «агрессия» — «защитой свободы», а путь к фашизму — «американским образом жизни».

Глубокой верой в силу сопротивления, в победу дела мира проникнута вторая часть статьи, анализирующая новый этап борьбы за мир в США, когда, по выражению одного из руководителей американской компартии Гесса Холла, «я движение пришли новые слои народа, ломается старый образ мышления».

Обращаясь к прогрессивным американцам Гарольд Медина — американский федеральный судья — один из организаторов прогрессивного процесса под руководством коммунистов США, за напад на нарушение всех юридических норм в ведении процесса Медина получил повышение по службе. (Ред.)

к бродяжничеству у людей, выселенных из квартиры, музыкальной ритмичности пугает, расстреливающих забастовщиков, духовного экстаза личностей, величественного пламени войны!».

Широко известны и другие написанные Джеромом работы, такие, как «Культура в изменяющемся мире» (1947 г.), «Негры в фильмах Голливуда» (1950 г.). Они проникнуты ясным, гуманным взглядом на жизнь, чувством благородной тревоги за судьбы американской культуры, в них звучит страстный призыв к защите мира, к дружественному сотрудничеству между народами.

Как ни малы тиражи прогрессивных изданий в США, поставленных в невероятно тяжелые материальные условия существования, вашигтонские реакционеры прекрасно понимают, какую угрозу несет им правдивое слово. Не раз они пытались опровергнуть или с помощью лжи и клеветы опорочить правду, которую с мужественной прямой говорят своему народу передовые писатели-публицисты Америки.

При случае правящие деятели США охотно ссылаются на «свободу мнений», процветающую в их стране. На деле же они с яростным озлоблением спешат расправиться с теми, кто, подобно Джерому, выступает против культуры агрессии и человеконенавистничества. Они хотят решить в свою пользу политические споры и дискуссии с помощью такого унизительного аргумента, как полицейская дубинка. Свет разума и демократии дубинкой, шельма стальных научных ворот, скрип открывающихся тюремных ворот — вот что такое «свобода мнений» в трумановской Америке.

«Дело» Джерома высвечивает еще одну позорную страницу в историю американской жедемократии. Бесцельно уничтожить города и села Голливуда, творя чудовищные расправы над военнопленными на острове Кожидо, правая рука США прибегает к фашистским приемам, чтобы заглушить голоса протеста внутри страны, окончательно лишить американцев самых элементарных прав человека и гражданина.

Затеянное американским «правосудием» дело против Виктора Дж. Джерома не может не вызвать чувства глубокого негодования в каждом честном человеке, в каждом, кем движет подлинное стремление к миру.

Дель ото дня растет и ширится в США движение в защиту Джерома. Уильям Дубоу, Поль Робсон, Джон Говард Лоусон, Говард Фаст, Альфред Креймер, Дэниел Хэмметт и другие видные деятели американской культуры возглавляют это движение. Десятки и сотни писателей, художников, ученых поднимают гневный голос протеста против произвола американских судебных властей, готовящих расправу над прогрессивным литератором, чье дело честно служит делу мира.

«Пренатите наши кошмары... Не надо ученым воздушных треног», — написано на плакате, который несли дети, вместе со своими родителями участвовавшие в демонстрации сторонников мира в американском городе Лос-Анжелосе.

Снимок из американской газеты «Дейли уоркер»

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛЯ, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛЯ, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛЯ, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛЯ, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛЯ, А. КОРНЕЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАС